ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ

ГРАББЕ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.
1873.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ

ГРАББЕ.

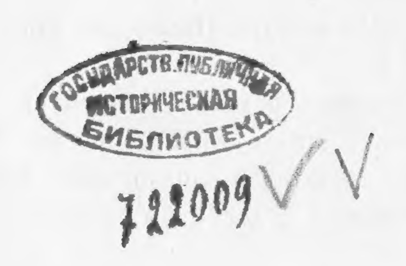
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1873 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОВАРИЩАМЪ

ПО ВЫПУСКУ ИЗЪ ПАЖЕСКАГО КОРПУСА

1857 ГОДА.

*Варшава 18-го августа *).*

Отрядъ флигель-адъютанта полковника Клодта 7-го и 8-го августа разбилъ на голову конную шайку Парчевскаго, численностію въ 250 человѣкъ, и преслѣдовалъ остатки отъ Лютожерска до Турска.

14-го августа штабсъ-ротмистръ Граббе, преслѣдуя конную партію Бентковскаго, ворвался съ 40 казаками въ деревню Сендзіовице, близь Ласка, гдѣ былъ окруженъ шайкою Тачановскаго, состоявшею изъ 2,000 чел., и палъ послѣ геройской защиты.

Шайка Тачановскаго, настигнутая 17-го августа у Боровска соединенными отрядами Клодта и подполковника Бремзена, потерпѣла здѣсь рѣшительное пораженіе. Потеря мятежниковъ огромная, у нихъ взято 80 чел. въ плѣнъ, отбитъ весь обозъ.

Корреспондентъ Голоса пишетъ отъ 18-го августа:

«Сейчасъ разсказывали, что кавалерійскій отрядъ флигель-адъютанта полковника Клодта, имѣлъ хорошее дѣло съ мятежниками, но мы потеряли убитымъ гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Граббе.

---

*) Сѣв. Пчела, № 222. Среда, 21 августа 1863 года.

«Молодой Граббе, при обворожительной наружности, былъ самымъ лихимъ кавалерійскимъ офицеромъ въ бою и скромнымъ до застѣнчивости въ частномъ быту.

«Со временемъ онъ обѣщалъ быть такимъ же, какъ его храбрый отецъ, бывшій герой кавказскій, нынѣшній атаманъ Донцовъ.

«Молодой Граббе былъ лучшимъ олицетвореніемъ нашей молодежи и подавалъ громадныя надежды» *).

---

*) Сѣв. Пчела. № 225. 24 августа 1863 г.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ

ГРАББЕ.

Вотъ нѣсколько словъ, почерпнутыхъ изъ газетъ, по поводу убитаго въ дѣлѣ противъ шайки Тачановскаго, въ д. Сендзіовице близь Ласка, гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Александра Павловича Граббе; я же въ своей статьѣ, посвящаемой всѣмъ моимъ товарищамъ по выпуску изъ Пажескаго корпуса 1857 г., выпуску, котораго былъ и всѣми нами любимый Граббе, познакомлю моихъ товарищей съ отрывками писемъ, писанныхъ Граббе мнѣ, и изъ которыхъ видны храбрые подвиги покойнаго юнаго героя.

Я познакомился съ Александромъ Граббе въ годъ поступленія моего въ Пажескій корпусъ, въ 1853 году. Это было на Фонтанкѣ: онъ шелъ по набережной Фонтанки, недалеко отъ Лѣтняго сада съ героемъ отцемъ, и родители наши познакомили насъ другъ съ другомъ. Граббе былъ уже въ Пажескомъ корпусѣ, куда онъ поступилъ въ младшій шестой классъ въ 1851 г. Вскорѣ послѣ этого знакомства я поступилъ, въ 1853 г., въ Пажескій корпусъ, и уже со втораго класса, т. е. съ 1855 г. по 1857 г., я болѣе по-

дружился и сошелся съ нимъ. Симпатичный, славный характеръ Граббе привлекалъ къ нему товарищей его, и его почти одинаково любилъ весь Пажескій корпусъ.

Въ 1857 году, іюня 6-го, Граббе былъ произведенъ въ поручики Сѣверскаго драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, окончивши такимъ образомъ весь курсъ наукъ въ Пажескомъ корпусѣ. Граббе, при хорошихъ способностяхъ, развитомъ умѣ, мало занимался, но не смотря на то, принадлежалъ всегда къ числу хорошихъ воспитанниковъ, и кромѣ учебныхъ занятій, послѣ свойственныхъ юношескому возрасту шалостей, любилъ читать военныя сочиненія. Такимъ образомъ, я помню съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ извѣстное сочиненіе Роканкура (Roquancourt) съ замѣтками его героя отца, сочиненія Милютина—«Война 1799 года», а равно и «Походъ въ Дагестанъ», гдѣ въ 1839 г. такъ храбро дѣйствовалъ его отецъ, генералъ-адъютантъ Граббе.

Военная исторія и тактика были его любимыми предметами, и на сколько помню, мнѣ кажется, у профессора Лебедева, Граббе былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ и получалъ всегда полный балъ (12).

Произведенный въ поручики Сѣверскаго драгунскаго полка, принадлежащаго къ Кавказской арміи, Дагестанской области, Граббе, пробывъ нѣсколько недѣль въ семействѣ своемъ, жившемъ въ то время въ Полтавской губерніи Прилукскаго уѣзда, отправился на Кавказъ, гдѣ, считая и отпуски въ разное время, пробылъ по 6-е марта 1863 года, когда Высочайшимъ приказомъ переведенъ онъ былъ изъ штабсъ-капитановъ Сѣверскаго полка лейбъ-гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ штабсъ-ротмистромъ.

Во время боевой своей жизни на Кавказѣ, Граббе получилъ одинъ только чинъ — штабсъ-капитана и многимъ отсталъ отъ товарищей, служащихъ въ гвардіи, но переводомъ своимъ онъ разомъ догналъ ихъ въ іерархіи чиновной.

Отъ многихъ кавказцевъ, товарищей и начальниковъ Граббе, я слышалъ единогласно лучшіе отзывы.

Своими благородными поступками, храбростію и распорядительностію (командуя эскадрономъ драгунъ) онъ заслужилъ уваженіе старыхъ и умныхъ кавказцевъ; начиная отъ начальниковъ и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ имъ восхищались, скажу болѣе, онъ составилъ себѣ въ это короткое время имя, до котораго мало кто достигаетъ.

Не передавая въ этомъ очеркѣ подробнаго отличія храбрыхъ подвиговъ Александра Граббе и предоставляя эту честь его боевымъ товарищамъ, храбрымъ Сѣверцамъ и Гродненцамъ, за послѣдніе мѣсяцы, привожу, какъ выше сказано мною, отрывки его писемъ.

Портуной,
28-го мая 1858 г.

«Я сегодня, любезный Милорадовичъ, получилъ неожиданно твое письмо, меня оно очень обрадовало, давно ужъ какъ я не получалъ извѣстій ни отъ кого изъ товарищей, а ты зналъ, что я со всѣми былъ очень хорошъ.

«Содержаніе же письма твоего меня огорчило, несчастіе К. и арестъ П. были такъ неожиданны для меня, что до сихъ поръ я не могу придти въ себя. Въ первую минуту я выскочилъ изъ палатки и хотѣлъ просить командующаго войсками б. Врангеля, у котораго я адъютантомъ, позволенія ѣхать въ Петербургъ на 28 дней, какъ будто бы я могъ помочь этому; но когда я услышалъ выстрѣлы непріятельскіе, то вспомнилъ, что этого ни въ какомъ случаѣ сдѣлать нельзя.

«3-го дня мы имѣли дѣло, подробности разскажу тебѣ, когда увижу тебя; одно только скажу, что горцы, противъ обыкновенія, бросались нѣсколько разъ въ шашки и кинжалы на горныя орудія, но ихъ отбрасывали каждый разъ.

«Потеря наша въ 36 рядовыхъ и 3 офицерахъ.

«На другой день имъ отплатили: засада мусульманскаго полка перерѣзала многихъ и взяла въ плѣнъ 6 татаръ.

«Я ходилъ въ аттаку въ понедѣльникъ и былъ въ цѣпи нѣсколько разъ, но кажется ни одного не убилъ: они умѣютъ пользоваться каждымъ камышкомъ, чтобъ укрыться.

«Пиши мнѣ пожалуйста о П., какъ дѣла его. Завтра рано утромъ ѣдетъ курьеръ съ донесеніемъ, поэтому я не хочу пропустить случая, не написавъ тебѣ нѣсколько словъ.....

«Извини, что не продолжаю письма; но ужь ночь, весь лагерь спитъ.

«Да, ты смѣешься надъ моимъ предположеніемъ поступить въ академію; я навѣрно не говорю, но попробую и началъ заниматься. Можетъ легко быть не удача, конечно, чтобъ навѣрное сказать — не могу и не увѣренъ *)».

Темиръ-Ханъ-Шура.
13-го сентября 1858 г.

«.... Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писалъ, я былъ опять въ экспедиціи, былъ въ дѣлахъ, а потомъ успѣлъ съѣздить въ деревню, гдѣ засталъ всѣхъ почти родныхъ. Меня совсѣмъ не ожидали дома, потому что наканунѣ получили письма отъ меня съ Кавказа, что я раньше ноября не могу ѣхать въ отпускъ. Хотѣлъ я изъ Малороссіи ѣхать въ Петербургъ, на нѣсколько дней, чтобъ увидѣться съ вами, но судьба не позволила этого, я получилъ письмо, что Великіе Князья будутъ въ скоромъ времени на Кавказѣ и что предполагается движеніе въ горы, что и заставило меня отказаться отъ любимой мечты — обнять товарищей въ этомъ году...

«Я на дняхъ былъ въ Чиръ-Юртѣ. Зиму эту думаю провести тамъ вмѣстѣ съ Паулуччи.

---

*) Нѣсколько писемъ Граббе потерялись у меня, другіе, по неаккуратности почты Кавказа, не доходили до меня.

«У насъ теперь тревога во всемъ Прикаспійскомъ краѣ по случаю проѣзда Великихъ Князей.

«Курьеръ за курьеромъ. Мнѣ предлагали вчера ѣхать въ Тифлисъ, но я предоставляю это удовольствіе другому. Цѣлую тебя, любезный другъ». . . . .

Говоря о Кавказѣ, Граббе находилъ одно только въ экспедиціи удовольствіе, и, не жалуясь никогда, сознавалъ однакоже, что на Кавказѣ они лишены всякихъ удобствъ, живя, особенно зимой, чортъ знаетъ въ какихъ хатахъ. «Ѣдимъ, что Богъ пошлетъ, однакоже, писалъ онъ мнѣ, въ это время я довольно пріятно провожу время. У меня живетъ Паулуччи (маркизъ, сынъ извѣстнаго генералъ-адъютанта и генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній, въ послѣднее время Военный Министръ въ Савоѣ) и мы вмѣстѣ, хотя не весело, но пріятно проводимъ наше время: каждый день катаемся верхомъ, иногда ѣздимъ на охоту, по вечерамъ собираются нѣсколько офицеровъ у меня, и въ разговорахъ, большею частью пустыхъ, убиваемъ день.

«Служба же на Кавказѣ, какъ во фронтѣ, такъ и адъютантская, внѣ экспедиціи — самая легкая.

«За то служба кавказская и отсутствіе всѣхъ удовольствій даетъ время читать, такъ что на Кавказѣ это главное развлеченіе у насъ, и я думаю, что нигдѣ столько не читаютъ (офицеры) какъ здѣсь».

25 марта 1859 г., лагерь въ аулѣ Тензи Ирзау
въ Ичкеріи.

Дорогой Милорадовичъ!

«Передъ отъѣздомъ моимъ курьеромъ къ генералу Евдокимову, осаждающему аулъ Ведень-Дарго, столицу Шамиля, я тебѣ писалъ, это было кажется 20-го февраля, изъ Шуры *).

---

*) Этого письма не получалъ.

«Послѣ этого со мною было много приключеній, которыхъ конечно я не могу тебѣ всѣхъ описать, по многимъ причинамъ. Первая, что ужь очень поздно, а завтра отправляется рано утромъ нарочный въ Казафъ-Юртъ; вторая, что боюсь тебѣ наскучить подробностями, и кромѣ этихъ причинъ есть еще ихъ много. Итакъ начинаю.

«Пробывъ три дня въ Веденѣ, гдѣ въ это время мы бомбардировали аулъ, на что они отвѣчали намъ очень удачно изъ своихъ несчастныхъ 4-хъ орудій, я отправился обратно*); но въ это время нашъ отрядъ отправился также въ экспедицію, что я узналъ на пути; это заставило меня торопиться, такъ что я на другой день былъ ужъ къ вечеру въ отрядѣ барона Врангеля, сдѣлавъ въ послѣдній день 120 верстъ верхомъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ.

«На другой день, т. е. 5-го марта, было у насъ дѣло въ Новомъ-Зандахѣ, въ которомъ я чуть чуть не поплатился дорого.

«Я былъ съ милиціею изъ татаръ и, занявши аулъ, наткнулся на партію въ десятеро сильнѣй насъ, которая меня сейчасъ же отрѣзала и поставила въ очень фальшивое положеніе. Здѣсь мнѣ пришлось почти въ упоръ разрядить всѣ выстрѣлы моего револьвера, но вскорѣ драгуны и пѣхота насъ выручили, въ томъ числѣ былъ и Паулуччи, который здѣсь былъ въ первый разъ въ дѣлѣ и показалъ себя отлично храбрымъ и хладнокровнымъ въ то время, какъ градъ пуль сыпался возлѣ него; подъ нимъ въ этомъ дѣлѣ ранена лошадь.

«Потеря наша состояла изъ одного убитаго офицера, двухъ раненныхъ офицеровъ и 30 чел. нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненныхъ.

*) Граббе состоялъ при г. а. Врангелѣ за адъютанта.

10-го числа у насъ было опять дѣло, начавшееся за одинъ редутикъ непріятельскій, который баронъ Врангель приказалъ конно-мусульманскому полку взять; но мы, взявши его, занеслись дальше, и по пятамъ мюридовъ брали аулъ за ауломъ; но въ послѣднемъ аулѣ насъ подпустили на 20 шаговъ и встрѣтили залпомъ: передовые слетѣли, а мнѣ только прострѣлили сѣдло возлѣ передней луки.

«Мы пріостановились немного, какъ будто сконфуженные, а потомъ хватили въ шашки, въ аулѣ сдѣлалась суматоха и въ улицахъ началась рубка; послѣ чего горцы, бросивъ нѣсколько тѣлъ и плѣнныхъ, показали пятки; но это намъ такъ еще не должно было пройти: на тревогу 6 наибовъ прискакали съ своими мюридами и сейчасъ начали насѣдать на насъ. Въ это время баронъ Врангель на помощь мусульманскому полку прислалъ 2 баталіона пѣхоты, тутъ началось жаркое дѣло: остервененные мюриды, противъ обыкновенія, аттаковали насъ съ шашками на голо. Мы ихъ встрѣчали съ крикомъ ура и бѣглымъ шагомъ, и ружья на перевѣсъ; но только что рожокъ заиграетъ отступленіе, горцы съ гикомъ, который трудно описать, бросались намъ въ догоню; тутъ въ первый разъ мнѣ пришлось убить мюрида изъ ружья почти въ упоръ. Забравши скотъ и разное имущество, къ вечеру мы отступили. Потеря наша состояла изъ 1 убитаго и 4 раненныхъ офицеровъ и 55 убитыхъ и раненныхъ нижнихъ чиновъ. За это дѣло прислано 25 крестовъ нижнимъ чинамъ. Потеря горцевъ большая. Съ нашей стороны выпущено 80,000 патроновъ, а были въ дѣлѣ только 2 баталіона пѣхоты и 4 сотни мусульманъ. 14-го марта мы двинулись въ Ичкерію и имѣли въ тотъ же день опять дѣло на штыкахъ въ аулѣ Агачъ-Отаръ, но не такое веселое какъ 10-го числа, потому что кавалерія не могла принимать участія, по лѣсистой мѣстности, а въ цѣпи скучно стоять и стрѣлять изъ-за деревьевъ, только подъ конецъ пришлось намъ аттаковать ихъ на площадкѣ. Потеря наша

состояла изъ 3 офицеровъ раненныхъ и 40 нижнихъ чиновъ въ томъ числѣ 3, пропавшихъ безъ вѣсти, т. е. изрубленныхъ. Потеря горцевъ такая же. Послѣ этого мы все время занимаемся рубкою Ичкеринскаго лѣса, знаменитаго по неудачамъ Воронцова въ 1845 г., и моего отца въ 1842 г. У насъ всѣ эти дни только перестрѣлки.

«Паулуччи, слава Богу, здоровъ, и я также; мы съ нимъ проводимъ очень пріятно время. Погода удивительная, такъ что мы безъ сюртуковъ ходимъ.

«Цѣлую тебя, мой милый Милорадовичъ, кланяйся пожалуйста всѣмъ товарищамъ и моему брату Николаю *). Если не подстрѣлютъ, то надѣюсь въ сентябрѣ тебя поцѣловать».

Граббе.

«Мы ѣдемъ въ Дарго.

«Я пишу тебѣ такъ дурно, потому что стола нѣтъ».

Дѣйствительно Александръ Граббе или, какъ мы его звали, Саша пріѣхалъ вскорѣ въ Петербургъ, уже украшенный орденами Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и мечами, Св. Анны и Св. Станислава 3-й и 2-й степеней съ бантами и мечами, а равно и медалью за кавказскіе подвиги, тогда только, что учрежденною. Граббе, такъ много отличавшійся, былъ о себѣ до нельзя скроменъ: никогда не рисовался и не хвастался своими успѣхами, всѣ, кто зналъ его, любовались имъ, этимъ славнымъ юнымъ героемъ. Кромѣ того, онъ обращалъ вниманіе каждаго своею замѣчательною, привлекательною красотою. Въ петербургскомъ обществѣ объ немъ иначе не говорили: «le beau, le charmant cosaque Grabbe».

---

*) Тогда штабсъ-ротмистръ Кавалергардскаго полка и мой полковой товарищъ, а нынѣ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ и бывшій командиръ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка графъ Николай Павловичъ Граббе.

Послѣ двухъ его пріѣздовъ я болѣе Граббе не видѣлъ. Изъ письма, мною полученнаго 2-го сентября 1861 года изъ д. Блотницы (не большое имѣніе его отца Полтавской губ. Прилукскаго уѣзда), я узналъ, что онъ въ отпускѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ съ Кавказа.

Привожу его письмо:

«Извини меня пожалуйста, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на твое письмо, полученное мною ужь скоро 3 недѣли; не приписывай этому другой причины, какъ развлеченію деревенской жизни, маленькимъ занятіямъ и пожалуй лѣни; дружескія же чувства, которыя я имѣлъ къ тебѣ, и теперь тѣ же.

«Три мѣсяца, проведенные мною въ деревнѣ, прошли такъ быстро, что не вѣрится даже; поэтому ты можешь замѣтить, что я жилъ это время пріятно и счастливо; но вотъ ужъ осень на дворѣ, листья желтѣютъ и начинаютъ падать, настаетъ пора бросить деревню и переселиться въ Петербургъ; впрочемъ до поѣздки въ Петербургъ мнѣ придется сдѣлать маленькое путешествіе въ Бессарабію, которое задержитъ меня, быть можетъ, до половины октября, послѣ чего покачу прямо въ Петербургъ.

«Не знаю еще, перейду ли въ гвардію или вернусь на Кавказъ, вѣроятнѣе первое.

«Въ письмѣ твоемъ ты спрашиваешь меня, что я дѣлалъ въ послѣднее время на Кавказѣ.

«Командуя партизанами, я велъ болѣе разбойничью жизнь, полную странныхъ и интересныхъ случаевъ, о которыхъ я разскажу тебѣ лично.

Григри Голицынъ *) былъ въ одномъ отрядѣ со мною оберъ-квартирмейстеромъ . . . .

«Въ эту минуту онъ въ деревнѣ Владимірской губерніи

---

*) Кн. Григорій Сергѣевичъ Голицынъ — нынѣ Флигель-Адъютантъ Его Величества Полковникъ, командующій Лейбъ-Гвардіи Финляндскимъ полкомъ.

въ отпуску, я ѣхалъ съ нимъ до Харькова . . . . Братъ*) мой сейчасъ ѣдетъ; поручаю ему передать это письмо. Цѣлую и обнимаю душевно тебя, любящій тебя».

А. Г.

Въ 1861 году въ декабрѣ я уѣхалъ изъ Петербурга, и поселился въ Малороссіи, и съ тѣхъ поръ я объ Граббе не имѣлъ ни какихъ извѣстій, а только въ нынѣшнемъ 1863 году, изъ Русскаго Инвалида, въ мартѣ мѣсяцѣ, я узналъ о переводѣ Граббе тѣмъ же чиномъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, и, обрадовавшись, написалъ письмо въ Варшаву, такъ какъ въ то время полкъ уже былъ переведенъ въ Царство Польское.

28-го іюня я получилъ письмо, посланное изъ Варшавы 17-го іюля, и вотъ что писалъ мнѣ Граббе:

«Любезный другъ Милорадовичъ, благодарю тебя за память ко мнѣ, письмо твое дружеское сдѣлало мнѣ большое удовольствіе и, чтобы имѣть ихъ еще нѣсколько, отвѣчаю тебѣ тотчасъ.

«Въ послѣднихъ числахъ марта пріѣхалъ я въ Варшаву, сдѣлавшую на меня странное впечатлѣніе: вообрази себѣ огромное населеніе въ траурѣ, занятое одною мыслію ненависти и мести не только противъ правительства, но къ каждой личности, принадлежащей русской націи.

«Къ тому же въ полку я чувствовалъ, что также дуются на меня за то, что я сталъ первымъ штабсъ-ротмистромъ**); тогда Кавказъ мнѣ представился дружеской и мирной стороной въ сравненіи съ Польшей, и я пожалѣлъ о переводѣ

*) Нынѣ Капитанъ Преображенскаго полка графъ Владиміръ Павловичъ Граббе, младшій въ семействѣ, только въ 1861 году произведенный изъ камеръ-пажей Двора Его Величества.

**) Въ данномъ случаѣ Граббе ошибался; ему это показалось, потому что товарищъ его Витмеръ говоритъ, что всѣ его полюбили, и скорѣе должны были обрадоваться, что имѣютъ въ своей средѣ такого храбраго офицера, который былъ украшеніемъ Гродненскаго полка.

«Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда моего весь полкъ отправился въ экспедицію къ Прусской границѣ, и я съ нимъ. На другой день, высадившись на дебаркадерѣ желѣзной дороги, въ г. Кутно, мы услышали пушечную пальбу; не смотря на мои убѣжденія, мы на выстрѣлъ не пошли, оказалось, что въ 10-ти верстахъ отъ насъ небольшая колонна аттаковала 3 банды въ 3,000 человѣкъ, и что мы простымъ движеніемъ на выстрѣлъ выходили бы въ тылъ инсургентамъ, отступавшимъ нѣсколько верстъ по открытой мѣстности. Преслѣдованіе наше, 24 часа спустя, конечно кончилось ничѣмъ.

«Послѣ этого мы нѣсколькими колоннами двинулись къ границѣ, гдѣ два города были заняты мятежниками, которые, узнавъ о нашемъ движеніи, собрались и вышли намъ навстрѣчу; наткнулись на отрядъ 11 ротъ, посторонившійся и давшій имъ занять шоссе и нѣсколько городовъ, накануне нами оставленныхъ.

«Мы же, кутнувъ въ Пруссіи съ прусскими офицерами, на другой день форсированнымъ маршемъ, бросились подъ начальствомъ Краснокутскаго*). Бой завязался горячій и послѣ 3-хъ часовъ перестрѣлки инсургенты были штыками опрокинуты и разбиты, потерявъ до 600 убитыми, съ нашей стороны 100 убитыхъ и раненыхъ. Я находился въ колоннѣ обходившей и которой пришлось только преслѣдовать бѣгущихъ и подбирать обозы.

«Въ одномъ лѣсу съ двумя гусарами я взялъ въ плѣнъ начальника кавалеріи съ адъютантомъ, а у лѣсничаго 250 штуцеровъ, 200 косъ, пропасть аммуниціи, сабель, пистолетовъ, пороху и знамя, за 10 минутъ до моего прихода сложенныхъ отступавшимъ баталіономъ. Преслѣдованіе это

*) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, командиръ Л. Г. Гродненскаго полка, нынѣ генералъ-адъютантъ, начальникъ 3-ей кавалерійской дивизіи.

завело насъ вторично къ пруссакамъ, съ которыми мы опять кутнули.

«Это дѣло подъ названіемъ Игнацово.

«Вернувшись черезъ мѣсяцъ въ Варшаву, насъ черезъ два дня отправили въ экспедицію къ Радому и опять дѣло прозѣвали; казаки въ двухъ верстахъ отъ насъ дрались, а мы строили боевые порядки $1\frac{1}{2}$ часа, и, прійдя на мѣсто, узнали, что банда разошлась по лѣсамъ, однако на другой день поймали начальника Кононовича съ штабомъ и до ста человѣкъ. Кононовича съ двумя другими на другой день разстрѣляли.

«Вотъ тебѣ образцы нашихъ экспедицій.

«Ошибокъ много, но все таки дѣйствуютъ не дурно, впрочемъ здѣсь аттаковать значитъ разбить.

«Говорятъ много объ европейской войнѣ и въ громадныхъ размѣрахъ. Поляки очень разсчитываютъ на нее и ожидаютъ многаго отъ ея послѣдствій.

«Возстаніе не утихаетъ, банды за бандами погибаютъ, но за тѣмъ новыя снова формируются. Если европейской войны не будетъ, и польскій мятежъ потухнетъ, то я намѣренъ взять безсрочный отпускъ, или выйти въ отставку и пожить въ Украйнѣ, погулявъ сначала за границей.....

«До свиданія, любезный другъ Милорадовичъ, обнимаю и цѣлую тебя тысячу разъ»

Твой другъ **А. Граббе,**

Изъ этихъ нѣсколькихъ писемъ весь Граббе на лицо.

Я надѣюсь, что товарищи Граббе, и по корпусу и по полкамъ, Сѣверцы и Гродненцы, съ одинаковымъ удовольствіемъ прочтутъ такъ скромно имъ описываемыя дѣянія.

Живя въ Малороссіи въ продолженіи двухъ лѣтъ, и въ послѣднее время ѣздивъ часто по Черниговской и Полтавской губерніи, мнѣ, душевно скорбящему о потерѣ друга и то-

варища, отрадно участіе и сожалѣніе, которое приняли въ несчастной, но храброй кончинѣ не только близкіе но и люди, не знавшіе покойнаго. Пріѣзжая нѣсколько разъ въ Полтавскую губернію въ Прилукскій уѣздъ въ небольшое имѣніе своего отца, Граббе умѣлъ привлечь къ себѣ рѣшительно всѣхъ; еще недавно удивлялись его удали: садясь на невыѣзжанную лошадь, онъ почти подъ прямымъ угломъ спускался въ карьеръ съ гористыхъ мѣстъ, и храбрый отецъ, столь извѣстный по Кавказу, говорилъ о своемъ Сашѣ: brave comme l'épée (храбръ какъ шпага).

Изъ нѣскольких напечатанныхъ мною писемъ покойнаго Граббе мы знакомимся съ его храбрыми подвигами на Кавказѣ. Перепечатываемый ниже сего разсказъ очевидца «Дѣло при Сендзіовице», переданный товарищемъ Граббе по гродненскому полку, знакомитъ насъ съ последнимъ подвигомъ и послѣдними печальными, но славными минутами его.

Нельзя не благодарить душевно автора за его разсказъ. Говоря о Граббе, съ которымъ онъ познакомился только въ нынѣшнемъ году и къ которому онъ привязался всей душей въ такое короткое время, не удивительно, что товарищи его дѣтства и юношества, а въ томъ числѣ и я, любили его всею душею.

Могъ ли храбрый Граббе думать, что умретъ такъ рано, и что такъ тяжело ему будетъ умирать и такъ много страдать. Голова и лице его были окровавлены, лобъ изрубленъ, зубы стиснуты отъ боли, на правой щекѣ глубокій шрамъ, правая рука порублена во многихъ мѣстахъ, кисть лѣвой руки отрублена вовсе. Страданія бѣднаго превышали человѣческія силы. Послѣ пятидневныхъ неслыханныхъ мученій Граббе умеръ 19 августа 1863 года на рукахъ добраго бельгійца — помѣщика г. Неваля. Грустно, когда юноша въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ такъ умираетъ вдали отъ храбрыхъ своихъ родныхъ.

Тѣло его перевезено было въ С.-Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ. При всей грусти, поразившей меня при извѣстіи о смерти Граббе, я утѣшаюсь тѣмъ, что жизнь молодаго человѣка не прошла даромъ, что покойный Граббе, при чистотѣ душевной, встрѣтилъ смерть неустрашимо, и что смерть его есть переходъ въ область возвышенную, для новаго существованія, минута большаго высшаго перерожденія и общенія съ Спасителемъ.

Октябрь
1863 годъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

на имя Генералъ-Адъютанта Павла Христофоровича

ГРАББЕ,

полученный имъ по случаю смерти сына своего Александра.

Павелъ Христофоровичъ! Съ душевнымъ огорченіемъ узналъ Я изъ донесенія, полученнаго изъ Варшавы, что 14-го августа сынъ вашъ, Александръ, преслѣдуя съ 40 казаками конную партію мятежниковъ и ворвавшись въ д. Сендзіовице, былъ окруженъ шайкою въ 2 т. человѣкъ, гдѣ и палъ послѣ геройской защиты. Это извѣстіе для Меня вдвойне прискорбно, и какъ потеря одного изъ лучшихъ, подававшаго большія надежды офицера, и какъ извѣстіе объ утратѣ вами достойнаго сына.

Вамъ, какъ почтенному ветерану, конечно послужитъ большою отрадою то, что сынъ вашъ умеръ, какъ герой.

Молю Бога, чтобы Всевышній помогъ вамъ твердо перенести постигшее васъ испытаніе.

Искренно благодарю васъ за вѣрнопреданный и радушный пріемъ Сына Моего въ войскѣ Донскомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Царскомъ Селѣ
21-го Августа 1863 года.

2*

Рапорты флигель-адъютанта полковника Клота*), начальнику варшавскаго военнаго отдѣла, отъ 20-го и 21-го августа.

Рапортъ отъ 20-го августа.

«Послѣ нѣсколькихъ поисковъ въ окрестностяхъ Піотркова и Стрикова, ввѣренный мнѣ отрядъ (2 эскадрона гродненскаго гусарскаго полка, рота бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, сотня донскихъ, 50 линейныхъ казаковъ и лейбъ-гвардіи конно-ракетный взводъ) выступилъ, 7-го числа, изъ г. Лодзи чрезъ Лютомерскъ на Ходаки, отправивъ нѣсколько разъѣздовъ по направленію на Подембице и Шадекъ. Около деревни Фульки разъѣздъ штабсъ-ротмистра Вельяминова-Зернова, встрѣтивъ передовую часть конной партіи Парчевскаго, атаковалъ ее, и, опрокинувъ, неотступно слѣдилъ за мятежниками, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему разъѣздомъ корнета Баумгартена. Извѣстіе, посланное штабсъ-ротмистромъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, было получено мною, подходя къ дер. Ходаки. Я тотчасъ же пошелъ къ фольварку Фульки, отправивъ первый эскадронъ, конно-ракетный взводъ и линейныхъ казаковъ впередъ, на полныхъ рысяхъ. По соединеніи перваго эскадрона съ разъѣздомъ штабсъ-ротмистра Вельяминова-Зернова, всѣ линейные казаки, подъ начальствомъ корнета Баумгартена, от-

---

*) Нынѣ Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ.

правлены по слѣду непріятеля. Около дер. Тарнова линѣйцы нагнали мятежниковъ, которые спѣшились за гатью. Спѣшившись въ свою очередь, послѣ жаркой перестрѣлки, наши храбрые кавказцы прогнали мятежниковъ и преслѣдовали ихъ до дер. Голице, съ подоспѣвшимъ на выстрѣлы штабсъ-ротмистромъ Гловацкимъ. Въ этомъ дѣлѣ у насъ ранены два линѣйца. Когда сдѣлалось совершенно темно, въ Голицѣ, по двумъ разнымъ дорогамъ, пришли на ночлегъ первый эскадронъ и остальная часть колонны. Ночь была весьма темная; не смотря на то, штабсъ-ротмистръ Граббе, съ пятью пластунами, пошелъ въ Вильковице, гдѣ, по свѣдѣніямъ, ночевали инсургенты; но, не найдя ихъ, онъ остался въ этой деревнѣ до утра; туда же посланы, съ корнетомъ Баумгартеномъ, еще 25 линейцевъ. Какъ только начало свѣтать, штабсъ-ротмистръ Граббе пошелъ по слѣду, и, получивъ извѣстіе отъ раненыхъ поляковъ что банда ночевала въ дер. Петровчизнѣ, онъ двинулся за нею чрезъ Бржовъ и Волю Пржедмейскую на Вельнинъ. Видя изъ донесеній, что конная партія находится всего часомъ впереди авангарда, я подкрѣпилъ его полуэскадрономъ съ конно ракетнымъ взводомъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, капитана Анненкова. Между тѣмъ штабсъ-ротмистръ Граббе, имѣя всего 30 линѣйцевъ, выгналъ мятежниковъ изъ дер. Цеповъ, и, не смотря на то, что за этой деревнею находилась банда, числомъ около 250 чел., онъ стремительно ударилъ на нихъ въ шашки. Ошеломленные поляки пытались перейти въ наступленіе, но принуждены были отступить, не выдержавъ мѣткой стрѣльбы спѣшившихся линѣйцевъ, которые, послѣ залпа, опять стремительно бросились въ шашки. На высотѣ у дер. Борекъ мятежники еще разъ хотѣли дать отпоръ, но вновь были опро кинуты дружной атакой. Тогда банда бросилась въ бродъ черезъ рѣку Варту, у дер. Лекашинъ; тутъ подоспѣли гусары и конные артиллеристы, и въ самой рѣкѣ произошла

общая свалка. Линѣйцы, казаки и гусары всѣ вмѣстѣ вскочили въ воду и врубились въ мятежниковъ. Артиллеристы поручика Лѣсоваго, не имѣя возможности поставить станки, били ракетами, какъ холоднымъ оружіемъ. Перейдя черезъ рѣку, банда, обратившись въ нестройную толпу, поскакала лѣсомъ къ деревнѣ Пенхержевекъ.

Въ лѣсу, всякій разъ, какъ инсургенты намѣревались остановиться для отпора, штабсъ-ротмистръ Граббе и поручикъ Гротенъ съ линѣйцами, гусарами и артиллеристами врубались въ густую толпу и заставляли ее бѣжать еще быстрѣе. У деревни Пенхержевекъ мятежники выскочили на поляну, послѣ чего повернули круто на югъ въ лѣсъ. Весь путь быстраго бѣгства инсургентовъ обозначенъ изрубленными трупами, брошеннымъ оружіемъ и оставленными лошадьми. По крайнему утомленію коней, авангардъ былъ нѣсколько пріостановленъ до прихода колонны, которую я направилъ изъ Вилянова чрезъ Сломову-Гуру къ дер. Пенхержевекъ. При этомъ движеніи была встрѣчена часть бѣгущихъ мятежниковъ и изрублена донцами. Послѣ самаго кратковременнаго отдыха я отправилъ, для дальнѣйшаго преслѣдованія, ротмистра Сталя-фонъ-Гольштейна, съ другимъ полуэскадрономъ и свѣжими казаками, черезъ Гонсинъ на Милеіовъ, гдѣ авангардъ мой ночевалъ съ 8-го на 9-е число. Такимъ образомъ отрядъ въ 36 часовъ сдѣлалъ 140 верстъ. Ротмистръ Сталь-фонъ-Гольштейнъ собралъ положительныя свѣдѣнія, что банда окончательно уничтожена лихимъ и настойчивымъ преслѣдованіемъ авангарда, и что только самые жалкіе остатки прошли черезъ Милеіовъ. У насъ въ этомъ дѣлѣ убитъ одинъ линѣецъ и ранены (всѣ холоднымъ оружіемъ): поручикъ Гротенъ, 3 линѣйные казака и 2 гусара. Убито 5 лошадей. Собравши весь отрядъ, я 9-го числа пошелъ ночевать въ г. Турекъ. Отрядомъ отбиты 75 лошадей, 23 ружья, 15 пистолетовъ и 20 сабель.

Рапортъ отъ 21-го августа:

13-го числа, одинъ изъ посланныхъ во всѣ стороны разъѣздовъ донесъ мнѣ, что близъ дер. Попова, на р. Вартѣ, расположены 100 конныхъ мятежниковъ подъ начальствомъ Бентковскаго. По полученіи этого извѣстія, я немедленно выступилъ изъ Турека, съ однимъ эскадрономъ, конно-ракетнымъ взводомъ и 50 казаками, по направленію къ Попову, поручивъ флигель-адъютанту, капитану Анненкову, по возвращеніи разъѣздовъ, идти за мной съ остальною частію ввѣреннаго мнѣ отряда. Въ ночь съ 13-го на 14-е число я ночевалъ въ Ржепишевѣ, а флигель-адъютантъ Анненковъ, выступившій изъ Турека въ 6 часовъ вечера, остановился на нѣсколько часовъ въ Вильковицѣ. 14-го числа я продолжалъ преслѣдовать партію Бентковскаго чрезъ Велямовъ на Островъ (близъ Ласска); колоннѣ же флигель-адъютанта, капитана Анненкова, предложено идти на Шадекъ. Въ дер. Островъ получено мною положительное извѣстіе, что конная банда, уменьшившаяся уже до 60 ч., прошла за 4 часа до моего прибытія. Не считая нужнымъ преслѣдовать всѣми силами такого малочисленнаго непріятеля, я составилъ команду охотниковъ, подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Граббе, изъ 25 линѣйцевъ и 12 донцовъ. Три гусарскіе офицера и маіоръ № 44-го полка донскихъ казаковъ просились также участвовать въ этой экспедиціи, на что и получили мое согласіе. Командѣ этой дано было положительное приказаніе преслѣдовать непріятеля не болѣе, какъ на 10 верстъ, и потомъ идти въ Лодзь, куда, послѣ двухчасоваго привала, я отправился съ оставшимся при мнѣ эскадрономъ, предложивъ флигель-адъютанту Анненкову идти туда же ближайшимъ путемъ. Одновременно съ прибытіемъ моимъ въ Лодзь, прискакалъ линѣецъ съ извѣстіемъ, что охотники окружены огромною бандою въ д. Сендзіевицѣ. Тотчасъ же подполковникъ Бремзенъ отправилъ 100 казаковъ, при корнетѣ Баумгартенѣ, на полныхъ

рысяхъ, и вслѣдъ за тѣмъ капитана Калинскаго съ двумя ротами, 25 казаками и однимъ орудіемъ. Послѣ самаго необходимаго отдыха я выступилъ съ подполковникомъ Бремзеномъ по тому же направленію, пославъ приказаніе капитану Анненкову идти туда же. Къ 4 часамъ утра, въ дер. Бродне собрались всѣ отряды, и корнетъ Баумгартенъ привезъ первое извѣстіе о геройскомъ паденіи нашихъ зарвавшихся удальцовъ. Вотъ подробности этой кровавой схватки. Выѣзжая изъ д. Коломостки, поручикъ Витмееръ замѣтилъ на горѣ конный пикетъ. Съ осьмью линѣйцами онъ бросился впередъ, и, срубивъ его, увидѣлъ внизу передъ собою человѣкъ сто конныхъ мятежниковъ, въ большомъ безпорядкѣ расположенныхъ въ д. Сендзіевицѣ. Не желая дать имъ времени опомниться, онъ немедленно ворвался въ самую деревню. Между мятежниками произошла страшная суматоха; нѣкоторые изъ нихъ были изрублены, остальные бросились назадъ и образовали густую толпу за костеломъ. Поручикъ Витмееръ, собравъ около себя человѣкъ пятнадцать линѣйцевъ, готовился произвести вторичную атаку, но подскакавшій въ это время штабъ-ротмистръ Граббе приказалъ пріостановить ее: въ Коломосткахъ, разспрашивая жителей, онъ узналъ, что въ Сендзіевицахъ Бентковскій соединился со всею бандою Тачановскаго, имѣвшаго около 1,000 коней и болѣе 400 человѣкъ пѣхоты. Уничтоженіе Бентковскаго было уже невозможно; оставалось думать о собственномъ спасеніи. Между тѣмъ изъ-за костела мятежники начали производить учащенную стрѣльбу, казаки отвѣчали изъ своихъ винтовокъ; у насъ уже были раненые; храбрые кавказцы, не желая ихъ оставить, умоляли не отступать ни на шагъ. Невозможно было не уступить ихъ просьбѣ, и неустрашимый штабсъ-ротмистръ Граббе рѣшилъ остаться и умереть. Между тѣмъ, на помощь мятежниковъ подоспѣла еще часть ихъ всадниковъ; они произвели атаку. Съ гикомъ бросились впередъ казаки и отбили ее; точно

также были отбиты и два слѣдующія нападенія мятежниковъ. Но число ихъ быстро возрастало и они уже успѣли окружить со всѣхъ сторонъ эту горсть храбрецовъ; инсургенты производили по ней неумолкаемую пальбу; нѣкоторые изъ нихъ спѣшились и стрѣляли изъ-за сосѣднихъ домовъ. Линѣйцы спѣшились также; одни офицеры остались на коняхъ, но вскорѣ и они принуждены были сойти съ нихъ и вооружиться винтовками раненыхъ. Селеніе Сендзіевицѣ расположено въ котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной плоскими безлѣсными возвышенностями; въ концѣ селенія стояло нѣсколько отдѣльныхъ хлѣбныхъ сараевъ. Уголъ, образуемый двумя изъ нихъ, избранъ былъ для защиты; отдано приказаніе не терять зарядовъ даромъ, а стрѣлять только навѣрняка. Непріятельская кавалерія, окруживъ сараи, произвела снова нѣсколько атакъ, но каждый разъ эти атаки были встрѣчаемы самымъ гробовымъ молчаніемъ, до того грознымъ, что каждый разъ мятежники не выжидали залпа и шагахъ въ двадцати поворачивали коней, послѣ чего и получали нѣсколько выстрѣловъ въ догонку. Но непріятельскія пули дѣлали однако свое дѣло, и хотя огонь мятежниковъ былъ далеко не мѣткій, но, вслѣдствіе многочисленности ихъ и величины цѣли, число защитниковъ постепенно уменьшалось. Штабсъ-ротмистръ Граббе, маіоръ Маноцковъ и корнетъ Ермоловъ были уже въ числѣ раненыхъ. Между тѣмъ, хотя сараи представляли убѣжище, далеко недостаточное, но вскорѣ герои были лишены и этой послѣдней защиты: мятежники зажгли сосѣднія строенія, огонь отъ нихъ быстро распространился далѣе; сараи загорѣлись: жара сдѣлалась невыносимою; надобно было найти себѣ другое прикрытіе. Шагахъ въ двухъ стахъ къ сѣверу отъ сараевъ лежало кладбище: оно было избрано для дальнѣйшаго сопротивленія. Сами мятежники, въ послѣдствіи, отдавая полную дань удивленія этой отчаянной борьбѣ, съ особенною похвалою отзывались о переходѣ на кладбище. Медленно,

шагъ за шагомъ, осыпаемая пулями, направилась туда эта горсть оставшихся храбрецовъ. Мятежники вздумали было остановить ихъ во время перехода, но они залегли въ дорожную канаву, и, грознымъ молчанiемъ принудивъ ихъ снова повернуть назадъ, безпрепятственно достигли кладбища. Однако оно представляло защиту самую ненадежную: окруженное со всѣхъ сторонъ возвышенностями, оно имѣло ветхую, тонкую и на половину обрушенную ограду, аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною. Мятежники сдѣлали снова нѣсколько кавалерiйскихъ атакъ, но, видя безполезность ихъ, они окружили кладбище и осыпали его пулями. Одна изъ нихъ смертельно ранила неустрашимаго штабсъ-ротмистра Граббе. Онъ спокойно подозвалъ къ себѣ оставшагося нераненымъ поручика Витмеера, передалъ ему начальство, и, говоря, что онъ уже не заботится о себѣ, совѣтовалъ подумать о спасенiи оставшихся храбрецовъ. Не желая однако начать свое командованiе переговорами, поручикъ Витмееръ рѣшился держаться еще нѣкоторое время. Перестрѣлка продолжалась; число раненыхъ и убитыхъ постоянно увеличивалось. Вскорѣ показалась вдали густая колонна въ 400 человѣкъ подоспѣвшей къ мѣсту схватки пѣхоты мятежниковъ. Косиньеры были въ рединѣ; стрѣлки шли по бокамъ. Поручикъ Витмееръ пересчиталъ своихъ людей: почти всѣ были убиты и ранены нѣсколькими пулями; лошади также были всѣ перебиты. Остались годные для боя только 7 человѣкъ: самъ онъ, поручикъ князь Урусовъ, два линѣйца, два донца и храбрый линѣйный урядникъ Кобызевъ, легко раненый въ руку. Дальнѣйшее сопротивленiе было болѣе невозможно; штурмъ косиньеровъ угрожалъ избiемъ раненыхъ; колонна ихъ была уже шагахъ въ 60-ти: въ то же время и непрiятельская кавалерiя начала готовиться къ атакѣ; тогда поручикъ Витмееръ, слѣдуя вторичному напоминанiю умиравшаго штабсъ-ротмистра Граббе, обратился съ краткою рѣчью къ оставшимся казакамъ, вынулъ платокъ, и, вывѣсивъ пар-

ламентерскій флагъ, вышелъ изъ кладбища. Первымъ условіемъ онъ желалъ поставить спасеніе раненыхъ, объ остальномъ хотѣлъ договориться, смотря по обстоятельствамъ. Не выславъ парламентера съ своей стороны, непріятельская кавалерія, хотя и съ миролюбивыми намѣреніями, но бросилась къ нему; пѣхота также не остановилась. Видя это, казаки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Тогда косиньеры ворвались въ кладбище, и началась послѣдняя кровавая схватка, гдѣ большая часть раненыхъ немилосердно была добита ударами косъ. Поручикъ Витмееръ, вышедшій съ парламентерскимъ флагомъ, былъ обезоруженъ. Онъ началъ кричать окружающимъ его о спасеніи раненыхъ: нѣсколько кавалеристовъ бросились въ кровавую сѣчу, и, благодаря ихъ усиліямъ, она была остановлена, но спаслись только трое; это были: одинъ линѣйный казакъ, одинъ донской и поручикъ князь Урусовъ, спасенный паденіемъ на него убитаго казака, тѣло котораго прикрыло его голову и плечи отъ ударовъ косиньеровъ. Всѣ четверо: поручикъ Витмееръ, поручикъ князь Урусовъ и два казака были взяты въ плѣнъ, изъ котораго возвратились послѣ трехдневной отлучки. Нѣсколько тяжело раненыхъ отнесены были въ д. Сендзіевице, гдѣ имъ подана медицинская помощь. Въ числѣ ихъ были неустрашимый кавказскій воинъ штабсъ-ротмистръ Граббе, на другой день умершій смертію героя; мужественный маіоръ Маноцковъ, также вскорѣ умершій, и храбрый юноша корнетъ Ермоловъ, раненый нѣсколькими пулями, и получившій въ послѣдствіи нѣсколько ударовъ косой. Такъ окончилась трехчасовая кровавая борьба зарвавшихся удальцовъ противъ непріятеля въ 40 разъ сильнѣйшаго, стоившая намъ 20 человѣкъ убитыми, 15 ранеными *) и 4 плѣнными. Успѣли спастись только три казака, ускакавшіе въ самомъ

*) Нѣкотрые изъ нихъ вскорѣ умерли.

началѣ боя, чтобъ извѣстить отрядъ о случившемся. Потерю мятежниковъ опредѣлить невозможно, но, судя по упорной трехчасовой защитѣ, надобно полагать ее несравненно значительнѣе нашей. По соединеніи въ Броднѣ всѣхъ отрядовъ, я двинулся къ Сендзіевице, гдѣ засталъ въ живыхъ нѣсколько смертельно раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и штабсъ-ротмистръ Граббе, сохранившій еще достаточно твердости, чтобы слабымъ, но спокойнымъ голосомъ разсказать о славной защитѣ своихъ сподвижниковъ. Послѣ самаго необходимаго отдыха рѣшено было идти тотчасъ же по слѣдамъ банды. Ночь съ 15-го на 16-е число отряды провели въ Залѣсьи, гдѣ наканунѣ ночевалъ Тачановскій; 16-го же съ разсвѣтомъ пошли снова по слѣдамъ черезъ м. Щерцовъ на Ржоньсню. Въ эту деревню отряды пришли уже подъ вечеръ и получили извѣстіе, что Тачановскій выступилъ въ 11 часовъ утра. Зная изъ опыта, что мятежники всегда получаютъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, отряду было отдано приказаніе расположиться на ночлегъ, зажечь костры и готовить пищу. Вслѣдъ затѣмъ съ пикетовъ получено донесеніе, что верховой проскакалъ изъ Ржоньсни, вѣроятно для того, чтобы дать знать Тачановскому о ночлегѣ войскъ. Гонецъ этотъ не былъ перехваченъ съ намѣреніемъ ввести непріятеля въ заблужденіе *). Послѣ самаго необходимаго отдыха я приказалъ вывернуть изъ котловъ пищу, и отрядъ снова двинулся догонять мятежниковъ по слѣдамъ чрезъ Пекарню и Дембовице на мельницу при р. Вартѣ близъ дер. Прусицка, гдѣ былъ сдѣланъ небольшой привалъ. По всему этому пути встрѣчались подводы, возившіе инсургентовъ, и значительное число помѣщиковъ, ѣздившихъ къ Тачановскому на поклонъ. Всѣ они единогласно показывали, что мятежники

---

*) Изъ Ржоньсни отправлены 4 казака: два въ Велюнь, два въ Радомскъ, съ тѣмъ, чтобы увѣдомить о преслѣдованіи Тачановскаго и съ предложеніемъ отрядамъ: піотрковскому, ченстоховскому и велюньскому двинуться къ Паенчну.

ночевали въ Крушинкахъ и имѣли вечеромъ 16-го числа дѣло между Крушинами и Боровно съ казаками и ротою, вышедшею со станціи Кломницъ. Вслѣдствіе этого дивизіонъ гусаръ, съ ракетами, сотнею казаковъ и 20-ю линѣйцами, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, пошелъ на полныхъ рысяхъ впередъ на Крушины, а подполковникъ Бремзенъ съ пѣхотою и артиллеріею бѣгомъ направился по нашимъ слѣдамъ. У дер. Крушины я услыхалъ самую живую перестрѣлку, а выѣхавъ на высоту между Крушинами и Боровно, увидѣлъ мятежниковъ, отступавшихъ передъ нашей немногочисленной пѣхотой (это былъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, отрядъ гвардіи капитана де-Витте), по направленію къ Заставы и Яцковъ. Тотчасъ же отданы были слѣдующія приказанія: ракетному взводу занять выгодную позицію на высотѣ, 1-му эскадрону и казакамъ расположиться лѣвѣе; 2-му же эскадрону направиться черезъ дер. Крушины влѣво отъ дер. Яцковъ. Нѣсколько удачныхъ ракетныхъ выстрѣловъ въ густыя непріятельскія кавалерійскія колонны, расположенныя правѣе мятежнической пѣхоты, произвели въ нихъ большое разстройство. Замѣтивъ это, я бросился съ 1-мъ эскадрономъ въ атаку. Непріятельская кавалерія обратилась въ бѣгство; тогда 1-й эскадронъ, вмѣстѣ съ казаками *), врубился въ густую пѣхотную цѣпь и искрошилъ все, что только попалось подъ руки. Только правый флангъ мятежниковъ успѣлъ укрыться въ деревню Яцковъ, но нѣсколько ракетныхъ выстрѣловъ заставили ихъ отступить по направленію на Выдзовъ. Тогда 1-й эскадронъ, съ одной стороны, подъ начальствомъ ротмистра Сталь фонъ-Гольштейна, а съ другой гвардейской артиллеріи подпоручикъ Лѣсовой съ артиллеристами, линейцами и донцами, произвели вторую атаку между Яцковымъ и желѣзной дорогой, гдѣ снова легло огромное число пѣшихъ мятежни-

*) Это движеніе не мало способствовало къ уничтоженію банды Тачановскаго.

ковъ. Ракеты вынеслись еще разъ впередъ на позицію и осыпали опушку лѣса, въ которой спасалась небольшая часть бѣгущихъ. Между тѣмъ, ротмистръ Штрандманъ, отправленный со 2-мъ эскадрономъ лѣвѣе, врубился въ толпу конныхъ инсургентовъ, стоявшихъ за д. Яцковице, обратилъ ихъ въ бѣгство, прогналъ до деревни Ягоды и только самые жалкіе остатки бѣгущихъ спаслись за деревнею. Все это блистательное кавалерійское дѣло продолжалось не болѣе часа. Въ то же время подполковникъ Бремзенъ съ пѣхотой, идя самымъ усиленнымъ шагомъ, къ сожалѣнію, однако же, не могъ подоспѣть къ дѣлу, но капитанъ Калинскій, шедшій съ казаками въ головѣ колонны, захватилъ весь обозъ Тачановскаго въ числѣ двадцати повозокъ. Пораженіе непріятеля было совершенное: все пространство между деревнями Здорова, Яцковице, Лиготной и желѣзной дорогой усѣяно трупами; въ однѣ Крушины привезено 90 раненыхъ. Кромѣ того большое число ихъ развезено по окрестнымъ помѣщикамъ. У насъ убито: 1 гусаръ, ранено 11 гусаръ и казачій юнкеръ Бирюковъ; лошадей убитыхъ 6 и раненыхъ 7. У непріятеля потеря убитыми и ранеными огромная; по собраннымъ въ послѣдствіи свѣдѣніямъ, вся оставшаяся конница, сложивъ оружіе въ дер. Пруспцкахъ, получила приказаніе отъ Тачановскаго расходиться по домамъ. Спасшаяся незначительная часть пѣхоты сложила оружіе въ лѣсахъ и разбрелась. Самъ Тачановскій бѣжалъ за границу. Отбито у непріятеля 60 лошадей, пропасть оружія, весь обозъ и взято 65 плѣнныхъ. Считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства на необыкновенные труды, перенесенные пѣхотою при этомъ настойчивомъ преслѣдованіи, сдѣлавшей въ 32 часа 134 версты по песчанымъ проселочнымъ дорогамъ.

(Русск. Инв.)

Штабсъ-ротмистръ л. гв. гродненскаго гусарскаго полка А. И. ГРАББЕ.

Двѣ недѣли тому назадъ, л. гв. гродненскій полкъ понесъ весьма горестную утрату потерею одного изъ лучшихъ офицеровъ, штабсъ-ротмистра Граббе, погибшаго, въ ночь съ 14-го на 15-е августа, въ геройской защитѣ противъ скопища мятежниковъ, превосходившихъ его, ничтожную по числу, команду почти въ 40 разъ. Всѣ, сообщающіе объ этомъ прискорбномъ происшествіи, отзываются о покойномъ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, и всѣ единогласно прибавляютъ, что потеря молодаго штабсъ-ротмистра весьма тягостна и какъ утрата молодаго офицера, подававшаго большія надежды. Дѣйствительно, вся предварительная, хотя непродолжительная, служба штабсъ-ротмистра Граббе и все поведеніе въ послѣднихъ дѣлахъ, закончившихъ его службу, разобранныя съ самой безпристрастной точки зрѣнія, вполнѣ подтверждаютъ, что большія ожиданія отъ этого офицера въ будущемъ были не неосновательны. Сынъ нынѣшняго атамана донскаго войска, генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, имя котораго давно извѣстно по Кавказу, штабсъ-ротмистръ Александръ Павловичъ Граббе, съ первыхъ же шаговъ на службѣ, показалъ свое твердое намѣреніе идти по славной стезѣ своего отца. Выпущенный въ 1857 году изъ Пажескаго корпуса, и имѣя 19 лѣтъ отъ роду, молодой Граббе предпочелъ службѣ въ гвардіи, на которую имѣлъ право, боевую службу на Кавказѣ, и былъ назначенъ поручикомъ въ сѣверскій драгунскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цезаревича полкъ. Оставаясь на Кавказѣ около 6-ти лѣтъ, до весны нынѣшняго года, Граббе постоянно искалъ случаевъ участвовать въ

военныхъ дѣйствіяхъ, и все это время, можно сказать, почти безпрерывно проводилъ въ экспедиціяхъ и дѣлахъ съ горцами. Соединяя съ необыкновенно красивою наружностію доброе сердце и вполнѣ рыцарскія правила, молодой Граббе постоянно пользовался самой искреннею привязанностію своихъ товарищей и сослуживцевъ, а что всего важнѣе — успѣлъ пріобрѣсть себѣ большое уваженіе отъ старыхъ кавказскихъ служивыхъ, что, какъ извѣстно, достается не легко. Служба молодаго человѣка была поощряема: въ продолженіе пяти лѣтъ онъ былъ награжденъ орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени, всѣ ордена съ мечами, и сверхъ того получилъ чинъ штабсъ-ротмистра, которымъ и переведенъ въ гвардію. Но всѣ эти награды, по единогласному отзыву товарищей, были заслужены имъ вполнѣ добросовѣстно. Приближающееся затишье военныхъ дѣйствій на Кавказѣ и разгаръ ихъ въ царствѣ Польскомъ побудили А. П. Граббе желать о перемѣнѣ служебнаго поприща. Въ іюлѣ нынѣшняго года онъ переведенъ въ гродненскій полкъ, куда тотчасъ же явившись на службу, какъ само собою разумѣется, воспользовался первымъ случаемъ принять участіе въ дѣлахъ противъ инсургентовъ. Судьба столкнула его при этомъ со старыми знакомыми, кавказскими линейными казаками, и не трудно объяснить ту взаимную симпатію, которая мгновенно образовалась между нимъ и нашими линѣйцами, пользующимися, по общему отзыву, наилучшею репутаціею, которой когда либо и гдѣ либо пользовались кавалеристы. Первый случай участвовать въ дѣлѣ представился Граббе въ колоннѣ флигель-адъютанта полковника Клота, при преслѣдованіи партіи Парчевскаго, открытой отрядомъ 7-го августа. Въ этотъ день наши войска успѣли настигнуть лишь часть мятежниковъ, и нужно было озаботиться не упустить партію изъ вида. Штабсъ-ротмистръ Граббе, въ ночь съ 7-го на 8-е августа, съ 5 пластунами

отправился на поискъ въ Вильковице, гдѣ, по слухамъ, ночевали инсургенты. Не найдя ихъ тамъ, и получивъ въ подкрѣпленіе еще 25 линейцевъ, Граббе, съ разсвѣтомъ, двинулся далѣе. Съ своею командою, изъ 30 человѣкъ, онъ вскорѣ открылъ партію въ 250 человѣкъ, и, не теряя времени, бросился на нее въ шашки, опрокинулъ и гналъ нѣсколько верстъ до рѣки Варты. Не разъ мятежники, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, пытались остановить отважныхъ, но постоянно были опрокидываемы дружнымъ ударомъ въ шашки и наконецъ вынуждены спасаться въ бродъ чрезъ рѣку Варту. Тутъ подоспѣли на помощь къ Граббе гусары и артиллеристы, и мятежники еще разъ испытали страшную потерю въ самой рѣкѣ отъ молодецкаго удара собравшихся войскъ. Затѣмъ преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько верстъ, и партія Парчевскаго была почти вся уничтожена. Нельзя не признать, что въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ главная заслуга и наибольшее отличіе принадлежитъ штабсъ-ротмистру Граббе и находившимся подъ его командою линейцамъ, которые вполнѣ доказали, на что способна хорошая кавалерія, въ самомъ незначительномъ числѣ, но съ предпріимчивымъ начальникомъ. Черезъ четыре дня была открыта партія Бентковскаго, также на рѣкѣ Вартѣ, и отрядъ полковника Клота, 13-го числа, выступилъ для ея преслѣдованія. Штабсъ-ротмистръ Граббе, хотя и раненный въ первыхъ поискахъ, также отправился съ отрядомъ; ему суждено было и въ этотъ разъ оказать новое отличіе, но, къ несчастію вмѣстѣ съ тѣмъ суждено было этому отличію быть послѣднимъ въ его жизни. Такъ же, какъ и при первомъ движеніи отряда противъ партіи Парчевскаго, штабсъ-ротмистръ Граббе, въ ночь съ 14-го на 15-е число отправился на поискъ съ линейцами для скорѣйшаго отысканія партіи Бентковскаго. Въ этотъ разъ его отрядъ состоялъ изъ 25-ти линейцевъ и 12-ти донцовъ, къ которымъ присоединились еще три офицера гродненскаго же

полка: поручики Витмейеръ и князь Урусовъ и корнетъ Ермоловъ, а также войсковой старшина донскаго № 44-го полка Маноцковъ; всего, слѣдовательно, и съ офицерами 40 человѣкъ. Партія мятежниковъ была открыта у деревни Сендзіовице; но это уже была не малочисленная партія Бентковскаго, а въ соединеніи съ шайкой Тачановскаго, и число инсургентовъ въ этихъ соединенныхъ шайкахъ простиралось до 1,400 человѣкъ. Въ то время, какъ штабсъ-ротмистръ Граббе, слѣдуя по дорогѣ на Сендзіовице, собиралъ свѣдѣнія о мятежникахъ, находившійся впереди, съ частію казаковъ, поручикъ Витмейеръ, открывъ пикетъ впереди деревни, бросился на него, изрубилъ и ворвался въ деревню. Испуганные внезапнымъ появленіемъ казаковъ, инсургенты бросились въ безпорядкѣ къ костелу. Здѣсь, собравшись въ большомъ числѣ, они открыли сильный огонь, отъ котораго тотчасъ же были ранены нѣсколько казаковъ. Между тѣмъ, штабсъ-ротмистръ Граббе, узнавъ изъ разспроса жителей, что въ Сендзіовицахъ расположено многочисленное скопище, поспѣшилъ остановить аттаку; онъ бросился къ казакамъ, чтобы приказать имъ отступить, но уже было поздно: имѣя раненыхъ, они умоляли не оставлять ихъ въ рукахъ поляковъ. «Невозможно было не исполнить этой просьбы,» какъ выражался потомъ штабсъ-ротмистръ Граббе, и онъ остался. Тогда начались для нашего отряда тѣ страшныя и вмѣстѣ торжественныя минуты, въ которыхъ истинное мужество, твердость и безстрашіе воина выказываются во всей своей величественной красотѣ: находясь въ серединѣ деревни, расположенной въ котловинѣ между высотами, окруженная скопищемъ пѣшихъ инсургентовъ, въ сорокъ разъ многочисленнѣйшихъ, горсть нашихъ храбрецовъ держится упорно въ продолженіи трехъ часовъ. Поражаемые со всѣхъ сторонъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, угрожаемые безпревывными атаками, казаки подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Граббе, сперва упорно защи-

щаются между случившимися вблизи сараями..., но инсургенты поджигають сараи, пламя распространяется кругомъ защищающихся, и невыносимый жаръ заставляетъ ихъ искать другаго убѣжища. Подъ градомъ пуль, въ виду многочисленной непріятельской кавалеріи, при яркомъ заревѣ пожара, безстрашные партизаны наши медленно, шагъ за шагомъ, переходятъ на другое болѣе безопасное убѣжище, которое надѣются они найти въ расположенномъ недалеко кладбищѣ. Здѣсь, подъ прикрытіемъ ничтожной ограды, уменьшившіеся въ числѣ на половину, они держатся еще нѣкоторое время. Посланные, въ самомъ началѣ дѣла, три казака дать знать отряду о положеніи команды штабсъ-ротмистра Граббе спѣшатъ исполнить свое дѣло, но отрядъ далеко.... и численность непріятеля беретъ наконецъ верхъ.... Инсургенты врываются на кладбище, и берутъ въ плѣнъ уже только 4-хъ человѣкъ, сохранившихъ силы защищаться, и нѣсколько человѣкъ тяжело израненныхъ; въ числѣ послѣднихъ находился и штабсъ-ротмистръ Граббе. Вскорѣ однако приходитъ отрядъ; плѣнные возвращаются, и умирающій 25-ти лѣтній герой, за нѣсколько часовъ до своей кончины, имѣетъ утѣшеніе еще разъ увидать своихъ товарищей и разсказать имъ о заслугахъ всѣхъ находившихся подъ его начальствомъ, скромно умалчивая, по своему обыкновенію, о собственной заслугѣ. Нельзя не признать, что такой офицеръ, какимъ былъ штабсъ-ротмистръ Граббе, въ состояніи возбуждать къ себѣ искреннюю привязанность, вселять уваженіе и подавать большія надежды.

(Рус. Инв).

ДѢЛО ПРИ СЕНДЗІОВИЦЕ.

(Разсказъ очевидца.)

Исполняя просьбу моихъ товарищей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уступая собственному желанію — передать нѣкоторыя подробности о подвигѣ погибшихъ храбрецовъ, я рѣшился описать весьма замѣчательное, по упорству защиты, дѣло при Сендзіовице; но такъ какъ реляція объ этомъ дѣлѣ уже извѣстна публикѣ, то мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ изложить его въ видѣ разсказа очевидца. Не знаю, на сколько найдутъ его интереснымъ; за одно только могу поручиться: отъ истины я не отступлю ни на шагъ.

Команда охотниковъ, посланная отъ отряда флигель-адъютанта полковника Клота, для преслѣдованія конной партіи Бентковскаго, состояла изъ пяти офицеровъ (штабсъ ротмистра Граббе, меня, поручика князя Урусова, корнета Ермолова *) и № 44 полка донскихъ казаковъ маіора Маноцкаго), 26 линѣйныхъ кубанскихъ казаковъ и 12 донскихъ. Начальство надъ охотниками было ввѣрено Граббе.

Прежде всего нѣсколько словъ о Граббе. — Ему не было еще и 25-ти лѣтъ. Съ самаго производства въ офицеры, съ 18-ти лѣтъ, онъ служилъ на Кавказѣ — служилъ съ честію и въ кавалеріи и въ пѣхотѣ, лазилъ съ охотниками на Гунибъ, командовалъ нѣсколько мѣсяцевъ пластунами, и вездѣ успѣвалъ оставлять по себѣ славу счастливаго храбреца и безукоризненнаго человѣка. Въ началѣ этого года онъ уѣхалъ съ Кавказа, переведенъ былъ въ нашъ полкъ, и явился въ Варшаву, гдѣ мы и увидѣлись въ первый разъ.

*) Всѣ четверо лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка.

Я рѣдко встрѣчалъ человѣка болѣе симпатичнаго: молодой, красивый, храбрый до полнаго хладнокровія и страстно-преданный военному дѣлу, онъ изучалъ его съ одинаковымъ рвеніемъ и въ теоріи и на практикѣ. Разсказы его о Кавказѣ были неистощимы, въ высшей степени интересны, и всегда отличались замѣчательною скромностію и безпристрастіемъ. Товарищи любили его всей душей, но едва ли кто нибудь былъ привязанъ къ нему болѣе меня: по цѣлымъ часамъ я слушалъ его разсказы....

Но пора приступить къ разсказу.

14-го августа, въ девятомъ часу утра, *) оставивъ отрядъ въ деревнѣ Островѣ, команда охотниковъ двинулась по слѣду Бентковскаго. Мы съ Граббе ѣхали рядомъ, поочередно разспрашивая жителей о бандѣ, численность которой они опредѣляли отъ 60-ти до 100 человѣкъ. Весь этотъ день Граббе былъ какъ-то скученъ. Я приписывалъ это усталости, потому что въ продолженіе 20-ти часовъ мы сдѣлали болѣе 100 верстъ. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ, но разговоръ не клеился; помню только слѣдующее:

«А вѣдь можетъ случиться, что мы нарвемся на всю банду Тачановскаго, сказалъ онъ.» **)

— «Что жь такое! Тогда мы ускачемъ и извѣстимъ объ этомъ отрядъ».

— «Все это такъ, но у насъ могутъ быть раненые, которыхъ оставить будетъ нельзя».

— «Ну, въ европейской войнѣ можно отбросить эти кавказскіе предразсудки».

---

*) Въ № 189-мъ Русскаго Инвалида, въ статьѣ о штабсъ-ротмистрѣ Граббе, сказано, что дѣло происходило въ ночь съ 14-го на 15-е число. Это ошибка: мы отдѣлились отъ отряда въ началѣ 9-го часа утра, дѣло же длилось съ 10-го до 1-го часа дня.

**) По извѣстіямъ, мы считали партію Тачановскаго въ 1,000 коней, и полагали ее гораздо сѣвернѣе. Оказалось, что у него, кромѣ 1,000 человѣкъ кавалеріи, было еще болѣе 400 человѣкъ пѣхоты.

— «Да какая же это европейская война? И здѣсь наши раненые могутъ быть такъ же изрублены, какъ на Кавказѣ».

Я замолчалъ.

Быть можетъ не всѣмъ извѣстно, что на Кавказѣ считается величайшимъ стыдомъ оставлять на полѣ сраженія не только раненыхъ, но даже и убитыхъ, и этотъ обычай укоренился тамъ такъ сильно, что часто надъ тѣлами происходили самыя горячія свалки.

Мы подъѣхали къ деревнѣ. «Какъ давно проходили повстанцы?» — «Съ полчаса,» отвѣчали намъ. — «А здѣсь останавливались?» — «Только на полчаса, чтобъ забрать овесъ.» Значитъ они должны кормить гдѣ нибудь невдалекѣ. «Рысью, маршъ!» и мы снова пустились по слѣду.

Черезъ четверть часа мы въѣхали въ деревню *Комостки*. Граббе заѣхалъ въ помѣщичій дворъ — разспросить о повстанцахъ. Большая часть казаковъ, утомленныхъ жарою и преслѣдованіемъ, остановились, чтобы напоить коней и напиться самимъ. Я съ нѣсколькими линѣйцами поѣхалъ далѣе; но только что я выѣхалъ изъ деревни, какъ увидѣлъ на горѣ, въ верстѣ разстоянія, конный пикетъ.

Желая захватить его врасплохъ, я послалъ извѣстить Граббе и отставшихъ казаковъ, а самъ, съ пятью линѣйцами, бросился въ карьеръ. Лошадь моя была свѣжѣе другихъ, и потому я былъ впереди. По мнѣ дали нѣсколько выстрѣловъ, нѣсколько пуль провизжало мимо ушей; но меня занимало уже другое зрѣлище: внизу, въ полуверстѣ передъ собою, я видѣлъ селеніе, наполненное всадниками, еще неуспѣвшими сѣсть на своихъ коней. Ихъ было около 100, они кормили — все показывало, что это Бентковскій.

Между тѣмъ, пикетъ былъ изрубленъ. Желая воспользоваться суматохой, я крикнулъ: «За мной, ребята! въ шашки!» и ворвался въ селеніе.

Аттака была стремительна; все, что было въ селеніи,

бросилось бѣжать и образовало густую толпу въ концѣ селенія за костеломъ.

Большая часть бѣгущихъ стрѣляла почти въ упоръ; но это конечно были промахи, потому что выстрѣлы дѣлались второпяхъ: я самъ, на одинъ изъ нихъ, отвѣтилъ изъ револьвера, и промахнулся, хотя стрѣлялъ также почти въ упоръ. Линѣйцы успѣли изрубить съ десятокъ повстанцевъ.

Хороша была эта аттака: сто человѣкъ бѣжали передъ шестью! Но то были линѣйцы, и кто видалъ ихъ въ такія минуты, тотъ конечно пойметъ, что устоять противъ нихъ не легко. Между тѣмъ, наши отсталые по одиночкѣ подскакивали къ мѣсту боя; я началъ собирать ихъ. Насъ осыпали пулями изъ-за костела, и потому я крикнулъ было: «Довольно стрѣлять, брось винтовки, въ шашки, за мной!» Но въ эту минуту подскакалъ къ намъ Граббе. Я думалъ, что онъ хочетъ принять участіе въ аттакѣ, и потому пріостановился, приглашая его принять начальство, на что онъ возразилъ мнѣ: «Подожди, развѣ ты не знаешь, что Тачановскій здѣсь со всей своей бандой. Мнѣ сказали это въ Комосткахъ.»

Я отвѣчалъ, что не знаю.

— «Но я посылалъ къ тебѣ Ермолова.»

— «Онъ мнѣ ничего не передавалъ.»

Подъѣхалъ Ермоловъ. Дѣло объяснилось: онъ не могъ догнать меня.

Оставалось позаботиться о средствахъ къ спасенію.

— «Что, по твоему мнѣнію, должны мы теперь сдѣлать?» спросилъ меня Граббе.

Я оглянулся. Въ полуверстѣ отъ насъ, къ югу отъ Комостокъ, виднѣлся лѣсъ.

Поляки, съ противоположной стороны, по-прежнему производили самую частую стрѣльбу, и, пользуясь нашей нерѣшительностію, казалось, сами готовились насъ аттаковать. Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, все, что остается намъ

сдѣлать, это — сперва рѣшительной аттакой отбросить инсургентовъ, потомъ отскакать къ лѣсу, и въ лѣсу, пользуясь узкой дорогой, отступать шагъ за шагомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, спасеніе было еще возможно. Сами повстанцы признавались въ послѣдствіи, что, судя по дерзкой смѣлости аттаки, они ожидали имѣть дѣло съ многочисленнымъ отрядомъ, и даже не преслѣдовали бы насъ далѣе лѣса. Притомъ въ Сендзіовице былъ только дежурный эскадронъ; вся остальная партія Тачановскаго была расположена за селеніемъ и еще не успѣла собраться.

— «Да, конечно, это было бы самое лучшее,» отвѣчалъ Граббе на мое предложеніе, «но ты забываешь, что у насъ есть уже раненые.» Дѣйствительно, хотя поляки и стрѣляли далеко не мѣтко, но цѣль была слишкомъ велика, а разстояніе незначительно, такъ что человѣка три не могли уже держаться на коняхъ.

Въ то же время нѣкоторые изъ казаковъ, въ первый разъ бывшіе въ дѣлѣ, начали было подаваться назадъ. Но ушло только двое, чтобы дать знать отряду о случившемся *). Линѣйцы обратились къ Граббе съ слѣдующими словами: «Ваше высокоблагородіе! прикажите имъ не бѣжать **). Мы не оставимъ своихъ раненыхъ! мы лучше умремъ, а ихъ не оставимъ.»

— «Не смѣть никому уходить,» крикнулъ Граббе. «Постройся! Постройся въ порядкѣ!»

Онъ уже рѣшилъ драться до послѣдней крайности и былъ правъ.

Положимъ, что не оставлять раненыхъ — предразсудокъ

---

*) Еще одинъ линѣецъ, раненый въ руку, благодаря быстротѣ своей лошади, успѣлъ прорваться въ то время, когда насъ начали окружать.

**) У казаковъ бѣжать, равносильно словамъ: уходить, ѣхать и т. п. Выраженія: бѣжитъ почта, эстафета, между казаками общеупотребительны.

(Прим. Ред.)

и предразсудокъ вредный. Но надобно ихъ видѣть, надо слышать ихъ мольбы.... *)

Между тѣмъ инсургенты, получивъ подкрѣпленія, пошли въ аттаку. Съ пронзительнымъ гикомъ казаки бросились впередъ, и отбили ее, такъ же, какъ и два слѣдующія нападенія. Но мало по малу насъ начали уже окружать: сначала по два эскрадона появилось на флангахъ, потомъ два эскадрона заѣхали въ тылъ и отрѣзали насъ отъ лѣса **). Фланкеры обступили насъ со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые изъ нихъ спѣшились и стрѣлили изъ-за сосѣднихъ строеній. Прорваться уже было невозможно; дѣйствовать въ конномъ строю оставшейся горсти противъ 1,000 кавалеристовъ было также нельзя; рѣшено спѣшиться и прибѣгнуть къ чисто пассивной оборонѣ. Офицеры оставались съ самаго начала на коняхъ, но потомъ и они спѣшились и вооружились винтовками раненыхъ. Граббе сошелъ съ лошади послѣднимъ, и то лишь тогда, когда я подошелъ къ нему и почти стащилъ его съ сѣдла. Онъ былъ спокоенъ, какъ всегда, говорилъ медленно, не слишкомъ возвышая голосъ, давалъ солдатамъ совѣтъ не терять заряды даромъ, и самъ брался иногда за винтовку. Я невольно любовался имъ. Вотъ она, эта идеальная, хладнокровная, чисто русская храбрость, думалъ я, и оглянулъ остальныхъ: почти всѣ были заняты дѣломъ, и суровыя физіономіи не выражали ничего, кромѣ желанія скорѣе зарядить винтовку, или выбрать предметъ для цѣли. Только нѣкоторыя, самыя молодыя лица, выказывали смущеніе и даже испугъ, но это продолжалось не болѣе 10 минутъ. Мало по малу и они также сосредоточенно

---

*) Въ № 193 Русск. Инв. г. Сафоновъ выразилъ уже, отъ лица линейцевъ, признательность памяти Граббе за его рѣшимость оставаться.

**) Я говорю «эскадрона,» потому что дѣйствительно мы видѣли предъ собою эскадроны уланъ, хорошо вооруженныхъ, однообразно обмундированныхъ, и правильно маневрирующихъ. Партія Тачановскаго, три мѣсяца ускользавшая отъ преслѣдованій нашихъ войскъ, успѣла получить весьма правильное устройство.

занялись своимъ дѣломъ, какъ всѣ остальные, и съ этихъ поръ, какъ донцы, такъ и линѣйцы, дрались съ одинаковою храбростію, съ одинаковымъ упорствомъ.

Селеніе Сендзіовице лежитъ въ котловинѣ, окруженной плоскими возвышенностями, засѣянными хлѣбомъ. Мы стояли въ концѣ селенія. Подлѣ насъ были два хлѣбные сарая. Одинъ изъ нихъ примыкалъ совершенно плотно къ другому, такъ что стѣны этихъ сараевъ образовывали входящій уголъ. Защищаться въ сараяхъ, по неимѣнію оконъ, было невозможно, и мы выбрали этотъ наружный входящій уголъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, съ двухъ сторонъ были обезпечены отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. На остальномъ открытомъ пространствѣ поставлены были лошади. Въ этомъ положеніи мы держались болѣе часа. Поляки нѣсколько разъ бросались на насъ въ аттаку, но людямъ приказано было не стрѣлять иначе, какъ въ упоръ. Аттаки всякій разъ встрѣчались гробовымъ молчаніемъ, и всякій разъ поляки не выдерживали его: въ 20-ти шагахъ поворачивая коней, они получали нѣсколько выстрѣловъ въ догонку.

Однако пули непріятельскихъ фланкеровъ, засѣвшихъ за сосѣдними строеніями, и стрѣлявшихъ въ кучку, мало по малу дѣлали свое дѣло. Число раненыхъ и убитыхъ, какъ людей, такъ и лошадей, у насъ постоянно увеличивалось.

Положеніе было незавидное: окруженные со всѣхъ сторонъ противникомъ, въ 40 разъ сильнѣйшимъ, мы не могли разсчитывать ни на какую помощь, потому что ближайшій отрядъ находился отъ насъ верстахъ въ 30-ти. Притомъ хотя, желая ободрить людей своихъ, Граббе объявилъ, что далъ знать отряду о случившемся и ждетъ скорой помощи, но, отведя меня въ сторону, онъ показалъ на смертельно раненаго урядника Хорошенькова, говоря: «Отрядъ даже не будетъ знать о нашей гибели. Я послалъ Хорошенькова; но, посмотри на него: онъ умираетъ. Вѣрно не хотѣлъ

оставить товарищей. *) Что жь дѣлать, будемъ драться до ночи.»

Я посмотрѣлъ на солнце, потомъ на него, и невольно улыбнулся. Онъ отвѣчалъ мнѣ грустною улыбкою и крѣпкимъ пожатіемъ руки: было не болѣе 11-ти часовъ утра.

Въ это время я увидалъ, что Ермоловъ, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ съ опущенной головой, и лице его выражало страданіе.

Ему едва минуло 17 лѣтъ. Онъ служилъ только два мѣсяца, но это былъ прекраснѣйшій юноша, имѣвшій за собою всѣ данныя, чтобы быть въ послѣдствіи весьма дѣльнымъ офицеромъ.

— «Что съ вами?»

— «Я раненъ въ голову,» отвѣчалъ онъ мнѣ. Я хотѣлъ было приподнять кепи и осмотрѣть рану. «Не троньте, не троньте», просилъ онъ: «боль нестерпимая.»

Крови однако не было; я осмотрѣлъ фуражку, и, не замѣтивъ на ней никакого отверстія, просилъ его успокоиться, говоря, что онъ только контуженъ.

Возлѣ сидѣлъ маіоръ Маноцковъ; это былъ почтенный старикъ лѣтъ 60-ти.

— «И вы ранены, маіоръ?»

— «Да, въ ногу.»

Я поднялъ глаза и увидѣлъ кровь на правомъ рукавѣ бѣлой черкески Кобызева.

Кобызевъ, сынъ оберъ-офицера, былъ старшимъ урядникомъ линѣйныхъ казаковъ. Храбрый и распорядительный, онъ успѣлъ заслужить къ себѣ всеобщее уваженіе.

— «Кобызевъ! Вы также ранены?»

— «Легко-съ, не извольте безпокоиться, я еще могу

*) Замѣчу, что въ то время мы ничего не знали о спасшихся трехъ казакахъ, о которыхъ я упомянулъ уже выше.

стрѣлять.» И. какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ приложился и выстрѣлилъ.

Нѣсколько раненыхъ казаковъ лежали на землѣ и въ близъ находившейся картофельной ямѣ: одному кровь залила все лице; у меня было два платка, я подалъ одинъ изъ нихъ; казакъ молча протянулъ руку и самъ перевязалъ себѣ голову. Я опять подошелъ къ Граббе.

— «Что это? Ты также, кажется, раненъ?»

— «Въ двухъ мѣстахъ, но не безпокойся: это легкія раны, такъ только — царапины.»

Лѣвый рукавъ и правая пола кителя были въ крови, но лице не измѣнилось, и раны были дѣйствительно легкія. Я успокоился.

Между тѣмъ пули визжали безпрестанно, то громко ударяясь о дерево, то взрывая землю у ногъ нашихъ, то съ глухимъ и сухимъ звукомъ попадая въ лошадиное или человѣческое тѣло. Одна изъ нихъ оборвала перевязь моей сабли; я надѣлъ шашку раненаго линѣйца.

Быть можетъ, меня спросятъ — и нѣкоторые дѣйствительно спрашивали — какое чувство испытывалъ я во все продолженіе боя? Считаю себя не въ правѣ не отвѣтить на эти вопросы.

Въ началѣ дѣла я испытывалъ только непреодолимое желаніе разбить многочисленнаго непріятеля. Потомъ, когда мы были уже окружены, я зналъ, что надежда на помощь была бы мечтою несбыточною; понималъ, что держаться до ночи, съ горстью людей, противъ врага въ сорокъ разъ сильнѣйшаго, было также невозможно; однимъ словомъ, положеніе казалось безвыходнымъ, и при всемъ томъ мысль о смерти, о ея возможности ни разу не приходила мнѣ въ голову во все продолженіе боя. Люди падали кругомъ меня, но въ самомъ себѣ я ощущалъ еще столько свѣжихъ, нетронутыхъ силъ, что было бы странно даже подумать о смерти. Если же мысль эта и забралась бы какъ нибудь

мнѣ въ голову, то подлѣ умирало столько людей и умирало такъ твердо и безропотно, что конечно всякій подумалъ бы: что жь такое? не вѣчно же жить — надобно же и умереть когда нибудь. И подумалъ бы это безъ страха.

Я былъ спокоенъ. Я смотрѣлъ на все это, какъ на что-то въ родѣ театральнаго представленія, гдѣ мертвые воскресаютъ и раненые выздоравливаютъ тотчасъ же, какъ только опустится занавѣсъ, и сознаюсь откровенно, мнѣ вовсе не жаль было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Но что за ужасныя были минуты, когда представленіе кончилось, когда занавѣсъ опустился... а мертвые не воскресали, а раненые лежали въ крови и умирали отъ страданій....

Возвращаюсь къ разсказу.

«Уже болѣе часа дрались мы у хлѣбныхъ сараевъ. Сосѣднія строенія приносили намъ большой вредъ, доставляя закрытіе непріятельскимъ стрѣлкамъ. Вдругъ, одно изъ нихъ задымилось. Мы было обрадовались, думая, что оно загорѣлось отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, но вскорѣ задымилось другое, съ противоположной стороны, а черезъ минуту вспыхнуло и наше ничтожное убѣжище: поляки, видя невозможность взять насъ силою, зажгли сосѣднія строенія, огонь быстро распространился, и мы внезапно увидѣли себя посреди дыма и пламени. Жара сдѣлалась невыносимою и принудила насъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ сараевъ. Гибель уже казалась неизбѣжною: способныхъ драться отошло отъ сараевъ не болѣе 25-ти человѣкъ, нѣкоторые изъ нихъ притомъ были уже ранены; лошадей осталось только четыре: остальныя убиты или вырвались изъ рукъ своихъ владѣльцевъ; мы стояли на открытомъ мѣстѣ подъ самымъ страшнымъ огнемъ, и насъ окружало болѣе 1,000 человѣкъ кавалеріи, готовой каждую минуту броситься въ аттаку. Но не такъ-то было легко восторжествовать надъ этой горстью людей, рѣшившихся драться на смерть, и тріумфъ поляковъ былъ еще не близокъ.

Шагахъ въ двухъ стахъ отъ сараевъ, въ котловинѣ, лежало кладбище, окруженное достаточной оградой, аршина въ $1^1/_2$ вышиною. Кладбище это было слишкомъ велико для насъ, ограда на половину обрушена, доски ветхи, съ широкими щелями и притомъ такъ тонки, что не могли нисколько предохранять отъ дѣйствія пуль. Вблизи, однако, ничего лучшаго не было, и потому рѣшено было перейти на кладбище. Пули осыпали насъ: чтобы менѣе терпѣть отъ нихъ, кучка немного раздвинулась, и медленно, шагъ за шагомъ, направилась къ кладбищу. Видя это, два польскіе эскадрона бросились въ карьеръ. Мы снова сомкнулись, залегли въ дорожную канаву и ждали. Минута была торжественная! Послѣдній актъ борьбы, казалось, уже наступилъ... Но, видно эта горсть людей имѣла видъ слишкомъ грозный: въ 15-ти шагахъ эскадроны снова повернули назадъ, снова получили нѣсколько выстрѣловъ въ догонку, и мы безпрепятственно заняли кладбище.

Только одни спартанцы могли такъ драться, говорили въ послѣдствіи поляки, отдававшіе полную дань удивленія всей оборонѣ вообще и переходу на кладбище въ особенности.

У насъ, какъ я говорилъ уже, осталось всего только 4 лошади, которыхъ мы и взяли съ собою. Въ томъ числѣ и моя была еще не ранена. До сихъ поръ она была такъ же счастлива, какъ я, но чтобы войти въ кладбище, приходилось перейти черезъ обвалившуюся часть ограды. Лошадь моя заупрямилась перешагнуть черезъ нее (видно предчувствовала, что за нею будетъ ея могила). Мнѣ не хотѣлось оставить коня въ добычу непріятелю, и я началъ принуждать его: онъ упрямился. Мы остались вдвоемъ передъ оградой. Пули дождемъ посыпались, но меня ни одна не задѣла, а конь мой, раненый двумя изъ нихъ, въ шею и въ голову, покорился мнѣ, перешелъ за ограду, и былъ убитъ на-повалъ. Остальные три лошади вскорѣ потерпѣли ту же участь.

Спохватившись, что упустили самую удобную минуту для аттаки, поляки хотѣли было поправить свою ошибку, и нѣсколько разъ пытались ворваться въ кладбище, для чего особыхъ трудностей не представлялось, такъ какъ ограда отъ ветхости обвалилась болѣе чѣмъ на половину... Но и эти аттаки, какъ предъидущія, остались безъ успѣха. Тогда фланкеры окружили насъ со всѣхъ сторонъ и, казалось, хотѣли перестрѣлять до послѣдняго. Мы, съ своей стороны, только изрѣдка могли отвѣчать на частые непріятельскіе выстрѣлы, потому что патроновъ оставалось у насъ уже немного. «Если бы каждый изъ враговъ нашихъ,» какъ прекрасно выразился въ послѣдствіи одинъ изъ раненыхъ линѣйцевъ, — бросилъ на насъ по горсти земли, то они насыпали бы надъ нами могилу.» Но подойти къ этому остатку храбрыхъ, чтобы бросить на него горсть земли, было еще не легко и для многочисленнаго непріятеля. Мы еще дрались, или, лучше сказать, почти не отвѣчая на выстрѣлы, но сохраняя грозный видъ, хладнокровно смотрѣли, какъ насъ разстрѣливали. Другаго слова употребить нельзя.

Я сидѣлъ подлѣ Граббе, прислонясь къ забору. Нѣсколько пуль пробило доски надъ самыми нашими головами; нѣсколько ударилось въ землю у самыхъ ногъ; кругомъ насъ умирали люди въ страшныхъ мученіяхъ; раненые невыразимо страдали, истекая кровью, безъ всякой помощи, мучимые жаждой, безъ капли воды, среди самаго знойнаго дня. И ни одного стона! Ни малѣйшаго признака слабости!...

Вправо отъ меня сидѣлъ линѣецъ, уже раненый въ ногу; но онъ стрѣлялъ еще. Вдругъ винтовка выпала изъ его рукъ, и самъ онъ прилегъ къ землѣ. «Ты раненъ еще разъ, куда? — «Въ грудь, ваше благородіе!» — «Гдѣ твои патроны? Дай-ка ихъ сюда.» Онъ молча опустилъ руку въ карманъ, вынулъ пять патроновъ, подалъ ихъ мнѣ и... умеръ. Да, эти люди умѣли умирать, умирать молча, безропотно, глубоко, трогательно... Но я долженъ сознаться, что въ ту ми-

нуту я обратилъ гораздо болѣе вниманія на пять патроновъ, дававшихъ возможность сдѣлать пять лишнихъ выстрѣловъ, чѣмъ на смерть храбреца: смерть казалась для всѣхъ до того неизбѣжною, что по-неволѣ приходилось не обращать на нее вниманія. За убитымъ линѣйцемъ дрался казачій юнкеръ Алексѣевъ. Дѣло длилось уже болѣе двухъ часовъ, а ни одна пуля еще не задѣла его. Вдругъ онъ опустилъ голову и медленно склонился къ землѣ: пуля попала въ самое сердце храбраго юноши. Миръ его праху!

Пока я бралъ патроны у умиравшаго линѣйца, Граббе отошелъ къ другой сторонѣ забора. Не прошло и десяти минутъ, какъ, слышу, онъ зоветъ меня слабымъ, измѣнившимся голосомъ. Я вскочилъ и бросился къ нему. «Сядь тутъ, посмотри, куда я раненъ,» сказалъ онъ мнѣ, стараясь повернуться спиной. Я посмотрѣлъ. Злая насмѣшка судьбы! Храбрѣйшій изъ храбрыхъ былъ раненъ въ спину!

Подлѣ средняго шва кителя виднѣлось окровавленное отверстіе. Сердце мое въ первый разъ судорожно сжалось: «въ позвоночный столбъ,» подумалъ я — «рана смертельна.» Рана дѣйствительно была смертельна, но пуля, пробивъ предварительно доску, попала не въ самый позвоночный столбъ, а только задѣла его и остановилась въ желудкѣ: ноги отнялись немедленно. «Пособи мнѣ приподняться, приподыми меня. Что это я не могу пошевелить ногами?... Нѣтъ, я вижу, что рана смертельна. Прощай, А. Н—чъ, я умираю... Напиши отцу моему... Въ лѣвомъ карманѣ венгерки ты найдешь записку... странно, отчего это я не могу двигать ногами... тамъ записаны долги мои, вздорные... Ты распорядись... Ну, теперь ты примешь начальство... Все, что тебѣ остается теперь сдѣлать, это спасти остальныхъ и раненыхъ... Ты знаешь, что я не о себѣ забочусь. Я умру сейчасъ....»

Мысль о переговорахъ, о неизбѣжности ихъ, въ первый разъ пришла мнѣ въ голову. Положеніе было дѣйствительно

безвыходное: помощь подоспѣть не могла ни въ какомъ случаѣ, патроновъ осталось мало, мы были окружены со всѣхъ сторонъ, лошади всѣ перебиты, раненые изнемогали и требовали немедленной помощи... Но начать переговоры, но прекратить оборону, когда въ самомъ себѣ сознаешь еще столько силъ, но сказать объ этомъ казакамъ, когда только что принялъ начальство... Я рѣшилъ драться еще нѣсколько времени.

Прошло съ полчаса, невыносимая жажда мучила всѣхъ насъ, и особенно раненыхъ. Ермоловъ получилъ двѣ новыя раны: обѣ ноги его были прострѣлены. Еще нѣсколько убитыхъ, еще нѣсколько раненыхъ... Граббе страдалъ молча на рукахъ моихъ.

«Пѣхота идетъ!! идетъ пѣхота!!» раздалось нѣсколько голосовъ. Я поднялъ голову. Въ отдаленіи, дѣйствительно, показалась колонна пѣхоты, человѣкъ въ 400 или болѣе. Косиньеры шли въ серединѣ, стрѣлки по бокамъ.

Граббе снова напомнилъ мнѣ объ обязанности спасти оставшихся.

Я пересчиталъ людей своихъ: способныхъ для боя осталось всего 7 человѣкъ: я, Урусовъ, урядникъ Кобызевъ, легко раненый въ руку, два линейца и два донца. Всѣ остальные были переранены нѣсколькими пулями. Непріятельская пѣхота подходила все ближе и ближе съ явнымъ намѣреніемъ штурмовать наше убогое прикрытіе; кавалерія также готовилась къ аттакѣ. Драться съ 7 спѣшенными кавалеристами, безъ штыковъ, противъ 1,000 чел. кавалеріи и 400 чел. пѣхоты было невозможно. Штурмъ свирѣпыхъ косиньеровъ угрожалъ избіеніемъ раненыхъ. Не оставалось ни одного шанса въ пользу дальнѣйшей защиты. Надо было наконецъ на что нибудь рѣшиться. — «Братцы»! обратился я къ людямъ, храбрый нашъ штабсъ-ротмистръ, умирая, поручилъ мнѣ».... Но Граббе остановилъ меня: «Не говори отъ моего имени, я не хочу этого», сказалъ онъ слабымъ

голосомъ. — «Значитъ, ты считаешь это стыдомъ; значитъ, ты находишь, что еще можно драться; значитъ, ты самъ не сдѣлалъ бы того, что мнѣ совѣтуешь!» — «Нѣтъ, напротивъ: это твоя обязанность; но, умирая, я не хочу брать отвѣтственности на себя. Ты теперь начальникъ, и долженъ говорить отъ своего имени.» Я колебался; но, поднявъ голову, увидѣлъ косиньеровъ уже шагахъ въ 60. «Теперь, или будетъ поздно,» подумалъ я, обратился къ людямъ съ краткою рѣчью, и, вывѣсивъ парламентерскій флагъ, вышелъ изъ кладбища.

Первою и священною своею обязанностью я считалъ спасеніе раненыхъ, и потому, прежде всего, намѣренъ былъ требовать неприкосновенности ихъ и поданія имъ медицинской помощи. Объ оставшихся невредимыми полагалъ договориться, смотря по обстоятельствамъ. «Быть можетъ, въ уваженіе храбрости, насъ отпустятъ даже съ оружіемъ въ рукахъ,» мелькала во мнѣ слабая надежда. Я вышелъ, держа бѣлый платокъ въ правой рукѣ. Нѣсколько пуль тотчасъ же прожужжало мимо ушей моихъ, но вскорѣ между непріятельскими рядами раздалась команда не стрѣлять. Тѣмъ не менѣе, не выславъ парламентёра съ своей стороны и не выждавъ моего приближенія къ себѣ, кавалерія бросилась ко мнѣ на встрѣчу, пѣхота также успѣла уже достигнуть самой ограды кладбища. Видя это, казаки дали два, три несчастные выстрѣла.

Вдругъ масса косъ очутилась на кладбищѣ.... Нѣсколько выстрѣловъ, рядъ проклятій, нѣсколько стоновъ и посреди всего этого густой лѣсъ косъ, потрясаемыхъ въ воздухѣ.... Вотъ, во что обратилось кладбище.

Я тотчасъ же былъ окруженъ кавалеріей. «Отдайте вашу саблю!» кричали мнѣ по французски. — «Спасайте раненыхъ! спасайте раненыхъ!» отвѣчалъ я. — «Вашу саблю, прежде саблю!» Въ эту минуту на меня накинулись косиньеры, но одинъ молодой человѣкъ бросился между нами,

и самъ получилъ четыре удара. Только одна коса направилась было на мою голову, но я отпарировалъ ее рукою, получивъ только самую легкую контузію. Я снова началъ кричать о спасеніи раненыхъ. Тотъ же молодой человѣкъ и еще двое другихъ (я никогда не забуду именъ ихъ) бросились въ самую средину кровавой сѣчи, и успѣли остановить рѣзню.

Такимъ образомъ, изъ парламентёра я сдѣлался плѣнникомъ; меня увели съ мѣста боя. Я думалъ, что всѣ погибли, но, къ счастію, ошибся. Какимъ то чудомъ спаслось еще трое, и въ числѣ ихъ князь Урусовъ, прикрытый отъ ударовъ косиньеровъ паденіемъ на него убитаго казака. Быть можетъ, въ послѣдствіи, я передамъ нѣкоторые эпизоды изъ моего трехдневнаго плѣна; теперь же снова перейду къ описанію участи погибшихъ товарищей, сказавъ только, что повстанцы обращались со мной съ такою предупредительностію, которая, признаться, не мало меня удивляла, потому что, основываясь на нѣкоторыхъ предъидущихъ фактахъ, самое лучшее, на что я разсчитывалъ, это — быть разстрѣлянными. Я просилъ навѣстить раненыхъ. Мнѣ позволили. Ихъ перенесли уже на мызу. Меня ввели въ грязную хату. На полу лежалъ Ермоловъ и нѣсколько линѣйцевъ. Докторъ хлопоталъ около нихъ. Ермоловъ былъ спокоенъ и казался легко раненымъ; онъ пожалъ мнѣ руку и подалъ только что вынутую изъ ноги пулю, прося сохранить ее. «Но Граббе, гдѣ же Граббе? гдѣ онъ?» спрашивалъ я. «Витмеръ, подойди ко мнѣ,» послышался чей-то глухой голосъ. Я бросился туда. На кровати, въ темномъ углу комнаты, лежалъ человѣкъ. Голова и лице его были окрававлены, лобъ изрубленъ, зубы стиснуты отъ боли, на правой щекѣ глубокій шрамъ, правая рука порублена во многихъ мѣстахъ, кисть лѣвой руки отрублена вовсе. — «Граббе, это ты?» сказалъ я въ ужасѣ. Предо мною дѣйствительно лежалъ этотъ красавецъ, на котораго бывало нельзя было насмотрѣться. «Ал. И — чъ!« говорилъ онъ

сквозь зубы, «голубчикъ мой... исполни мою послѣднюю просьбу, прошу тебя.» — Все, все исполню! Говори.» — «Застрѣли меня.» — «Ты ли говоришь это, Граббе! Неужели не достанетъ у тебя твердости перенести мученія?« — «Нѣтъ, застрѣли меня: я ужасно страдаю. Ну.... дай хоть хлороформа. Вся твердость меня оставила.» Видно было, что страданія несчастнаго превышаютъ человѣческія силы... Нельзя словами передать муки разставанья... На нѣсколько минутъ я лишился сознанія.... Больше я не видалъ его. Граббе умеръ послѣ пятидневныхъ неслыханныхъ мученій, на рукахъ добраго бельгійца, помѣщика г. Неваля.

Возвратясь изъ плѣна, я носпѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и отпросился присоединиться къ отряду, шедшему въ Видаву, гдѣ лежали наши раненые и въ томъ числѣ Ермоловъ, котораго я полагалъ внѣ всякой опасности.

Въ Видаву я пріѣхалъ въ 9 часовъ вечера, 22-го августа, и прямо отправился въ домъ, занимаемый ранеными.

Надобно было видѣть ихъ радость.

— «Мы думали, что ужь не придется и увидѣть васъ, ваше благородіе! Думали, что васъ разстрѣляли тамъ, али повѣсили; Богъ спасъ видно. Благодаримъ покорнѣйше, что насъ не забыли,» говорили страдальцы.

Ихъ было всего двѣнадцать; всѣ остальные убиты или умерли отъ ранъ. Да и на этихъ тяжело было взглянуть: почти всѣ были ранены нѣсколькими пулями и въ добавокъ изрублены косами. Одинъ получилъ двадцать три раны!!!

— «Ермоловъ очень плохъ,» говорилъ мнѣ докторъ, «врядъ ли онъ переживетъ эту ночь.»

Новое испытаніе! Я вошелъ въ слабо освѣщенную комнату и наклонился къ постели больнаго. Бѣдный юноша, раненый въ обѣ ноги, получилъ въ послѣдствіи нѣсколько ударовъ косой: голова и рука были порублены, ухо отсѣчено вовсе; но опаснѣе всего была сильная контузія въ

грудь. Молодая грудь не выдержала: сдѣлалось сильнѣйшее воспаленіе легкихъ. Онъ похудѣлъ, лице было блѣдно, но глаза смотрѣли ясно и спокойно. »Витмеръ! вы живы!» говорилъ онъ, радостно обнимая меня. «Что Граббе?» Я отвѣчалъ, что онъ поправляется, чтобы успокоить больнаго. Несчастный ужасно страдалъ. Онъ просилъ меня держать его грудь, готовую, казалось, разорваться отъ кашля. Онъ спрашивалъ о товарищахъ.... На утро онъ подозвалъ меня, опять спрашивалъ о товарищахъ, опять невыносимо страдалъ, надрывая сердца присутствовавшихъ....

Меня вызвали для распоряженія объ отвозѣ раненыхъ; почти всѣ они просили взять ихъ въ Варшаву, къ своимъ; но способныхъ вынести этотъ переѣздъ оказалось только семь человѣкъ: пять остальныхъ невозможно было тронуть съ мѣста, и вѣроятно уже нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ перестали страдать.

Отрядъ готовился выступить. Я возвратился къ Ермолову, чтобы проститься, но онъ уже не узнавалъ никого. Я поцѣловалъ его руку и вышелъ... Что-то невыносимо душило меня... Черезъ нѣсколько часовъ его не стало!

Миръ праху твоему, достойный юноша! Ты умеръ хорошею смертію! Миръ и вашему праху, храбрые казаки! Вамъ не видать ужь больше родныхъ береговъ Кубани и Дона, но подвиги ваши никогда не изгладятся изъ памяти боевыхъ товарищей вашихъ.

Александръ Витмеръ.

(Русск. Инв.)

Гвардіи штабсъ-ротмистръ Граббе и линейные казаки.

Въ № 98 «Русскаго Инвалида» помѣстилъ я статью «Голосъ съ Кавказа». — Статья эта заключала въ себѣ, между прочимъ, три положенія: 1-е, что линейные казаки, въ виду совершающихся въ Польшѣ событій, ждутъ Царской воли, чтобы оставить берега Терека и Кубани, на попеченіе отцовъ и младшихъ братьевъ, и двинуться на другое поле помогать своимъ русскимъ собратамъ;—2-е, что линейные казаки—эта блистательная самобытная кавалерія, имѣющая свой особенный характеръ по своему практическому устройству, по недавнему появленію этой новой силы въ средѣ русской могучей семьи, за моремъ еще не знакома; — и 3-е, что для войны у насъ готово все свое: винтовка, шашка, горскій конь; оставалось желать счастливаго жребія въ выборѣ отца-атамана, который, подобно павшимъ въ рядахъ нашихъ Круковскому и Слѣпцову, былъ бы и начальникъ и отецъ дѣтей; тогда нашъ линейный казакъ—и обычная летучая казачья сила, и пѣшій драгунъ.

Заявляя такое общее чувство линейнаго казака, самъ казакъ, раненый въ бою, и потерявшій убитыми отца и двухъ братьевъ, — я желалъ выразить только просто, но справедливо положеніе нашихъ казаковъ, въ которое они поставлены вѣковою войною на Кавказѣ. — Не могу еще не повторить, что линейцевъ нашихъ не перестаетъ занимать мысль: представится-ли случай дать о себѣ понятіе въ войнѣ на западѣ?—Оспорить побѣду у кавказскихъ горцевъ — дѣло далеко не легкое. — Горцы слишкомъ достойные воины, чтобы пренебрегать ими, и конечно только наукѣ обязаны мы перевѣсомъ надъ ихъ отчаянною, почти

безпримѣрною храбростью. — Но война кавказская, по отдаленности своей отъ среды образованнаго міра, а также и по врожденной способности человѣка привыкать и относиться холоднѣе хотя бы къ самому необыкновенному, но не новому явленію, не представляетъ того интересса, какъ война европейская.—Отъ того часто блистательныя дѣла казаковъ едва получаютъ самую ограниченную гласность и признаются обыкновенными стычками. — Между тѣмъ, кавказскимъ ветеранамъ извѣстно, что неисчислимы случаи, гдѣ казаки умирали всѣ какъ одинъ, что много бывало и такихъ примѣровъ, въ которыхъ упорныхъ враговъ своихъ они перебивали всѣхъ до одного, или отчаяннымъ натискомъ разбивали далеко превосходнаго въ силахъ непріятеля.

Но цѣль теперешняго моего заявленія состоитъ не въ томъ, чтобы повторять разъ уже сказанное или осыпать похвалами линейцевъ за ихъ дѣйствительныя заслуги на Кавказѣ. Я только пользуюсь случаемъ указать на факты, подтвердившіе мысли, высказанныя мною въ прежней статьѣ:

То, что линейцы готовы жертвовать всѣмъ — и достояніемъ, и жизнью—это доказывается выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ въ адресахъ, присланныхъ съ депутаціями отъ Терскаго и Кубанскаго войскъ. «Вѣрные твои терскіе казаки, первые заложники Кавказской линіи, взысканные великими Твоими милостями», говорится въ этомъ адресѣ, «готовы положить и жизнь, и достояніе для любезной Россіи. Повели, Государь, покинуть въ успокоенныхъ тобою родныхъ станицахъ женъ и дѣтей, и мы пойдемъ поить коней въ западныхъ рѣкахъ и казачьей шашкой начертать русскій рубежъ, забытый отпадшими сынами» (см. № 184 Р. И.) Нетрудно понять изъ этихъ короткихъ словъ, какая надежная боевая сила и какая могучая казачья семья, отдыхающая съ оружіемъ въ рукахъ, по одному царскому слову, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, готова возстать,

какъ одинъ человѣкъ. Безчисленнымъ числомъ случаевъ казаки доказали на Кавказѣ, что ихъ можно перебить, но не заставить положить оружіе. — Это же подтверждается теперь и въ Польшѣ геройскою смертью, въ Сендзіовицахъ, линейцевъ, окруженныхъ въ сорокъ разъ многочисленнѣйшимъ скопищемъ пѣшихъ и конныхъ инсургентовъ. — Эта горсть казаковъ спѣшилась и держалась три часа подъ убійственнымъ огнемъ, отбивая при томъ частыя аттаки, и хотя представлялся случай ускакать, но оставить въ рукахъ поляковъ раненыхъ своихъ товарищей было не въ ихъ боевыхъ понятіяхъ: по кавказскому обычаю, это считается позоромъ.

Слова прежней статьи моей: «палъ бы счастливый жребій на выборъ отца-атамана» относятся, конечно, къ главному вождю казаковъ; но кто не согласится, что и маленькіе атаманы, въ родѣ павшаго въ рядахъ линейцевъ шт. р-ра Граббе, составляютъ самое важное подспорье въ распоряженіяхъ большихъ атамановъ?—Граббе, этотъ по своимъ дѣйствіямъ маленькій атаманъ, обѣщалъ быть впослѣдствіи хорошимъ, большимъ атаманомъ.—Умирая, онъ сказалъ: «имѣя раненыхъ, линѣйцы умоляли не оставлять ихъ въ рукахъ поляковъ, и я счелъ невозможнымъ не исполнить этой просьбы,»—дѣйствіе въ высшей степени рыцарское, — по понятію же казаковъ, ***отеческое.***

Однимъ командным словомъ, онъ могъ спасти себя и многихъ; но какъ спасти?—Не трудно понять, что происходило въ благородной душѣ молодаго воина: онъ постигъ твердый духъ кавказскаго служиваго, — какъ начальникъ и какъ отецъ, онъ предпочелъ геройскую смерть, и тѣмъ исполнилъ всегдашній обычай линейцевъ—умирать съ честью.— Но, кромѣ того, какъ намъ кажется, здѣсь было и другое соображеніе: такой офицеръ, какъ Граббе, конечно хорошо понималъ, что ускакать съ проворными линейцами легко, но тогда бы онъ долженъ былъ оставлять по пути все, что

попало бы подъ пулю, а пожалуй и подъ саблю значительнаго скопища конныхъ инсургентовъ, которые, вѣроятно, имѣли также отличныхъ лошадей.—Но могъ-ли онъ произнести такую, тяжкую для понятія боеваго офицера, команду, а тѣмъ болѣе Граббе, сынъ того Граббе, шпага котораго такъ славно блистала въ экспедиціяхъ на Кавказѣ и особенно на скалахъ Ахульго?

По истинѣ, мы, линейцы, обязаны храбраго Граббе, слившаго кровь свою съ кровью нашихъ собратьевъ, записать на вѣки младшимъ братомъ Круковскаго и Слѣпцова, снесенныхъ съ поля битвы на нашей кавказской казачей буркѣ.—Такъ сольемся-же въ одно общее чувство, какъ сливалась его благородная душа, въ рѣшительную минуту, съ душею храбрыхъ товарищей, и теплою молитвою почтимъ память ихъ, и съ ними вмѣстѣ виновника ихъ геройской смерти, женамъ же и дѣтямъ ихъ, на поминовеніе павшихъ, пошлемъ посильную помощь.

Линеецъ Сафоновъ.

(Русск. Инв.)

